

Мэрибет Мэйхью Уален

А ВДРУГ
ЭТО ПРАВДА?



Мэрибет Мэйхью Уален
А вдруг это правда?
Серия «Очаровательная
ложь. Тайны моих соседей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61974602

А вдруг это правда? / Мэрибет Мэйхью Уален: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-108848-4

Аннотация

Сикамор-Глен может показаться идеальным американским районом, но за белыми заборами скрывается паутина тайн, которая тянется от дома к дому. Соседи беззаботно хранят секреты, пока в общественном бассейне не случается трагедия. Душное лето на Сикамор-Глен обнажит чужие секреты и докажет, что мы никогда не знаем до конца самых близких людей. Но ведь это не означает, что их нельзя любить и прощать?

Содержание

День поминовения[1] 2014 года	5
Кейли	5
Зелл	8
Брайт	16
Дженси	22
Июнь 2014	26
Зелл	26
Дженси	37
Брайт	44
Кейли	48
Дженси	55
Ланс	64
Брайт	68
Зелл	76
Дженси	79
Ланс	87
Кейли	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Мэрибет Мэйхью Уален

А вдруг это правда?

Marybeth Mayhew Whalen

The things we wish were true

Copyright © 2006 by Marybeth Mayhew Whalen

© Комаринец А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «ЭКСМО», 2020

© Aleksandar Mijatovic / Shutterstock.com

© cdrin, Eder / Shutterstock.com

Всем Кейли в мире.

*Да найдете вы место, где почувствуете себя
своими.*

День поминовения¹ 2014 года

*Муниципальный бассейн Сикамор-Глен,
Мэттьюс, Северная Каролина*

Кейли

Мы с Каттером были там, когда открыли летний бассейн Сикамор-Глен. Поэтому я своими глазами видела паутину, которая заплела ворота, мешая всем просто войти, как делают здешние жители каждый год. Наши новые соседи переминаясь с ноги на ногу и наигранно и громко вздыхали, ожидая, пока спасатели решат, что же теперь делать. Прижимая к себе полотенца, сумки-холодильники и надувные матрасы, они сверлили глазами паутину, словно могли выжечь ее глазами, как супергерои.

Мы все посмотрели на огромного круглого паука – желтого с черными полосами, – который сидел в центре этой паутины. Казалось, он ждал нас, точно должен был доставить послание, без которого не начнется лето, – как паучиха дет-

¹ Национальный день памяти США, отмечается в последнее воскресенье мая, посвящен памяти американских военнослужащих, погибших во всех войнах и вооруженных конфликтах, в которых США когда-либо принимали участие. (Здесь и далее – примечания переводчика.)

ской комедии «Паутина Шарлотты». Но послания данного паука никто слышать не хотел. Думать собравшиеся могли только о том, как бы прогнать насекомое подальше, чтобы поскорей начать веселиться.

Кое-кто из мальчишек раздобыл палки и стал тыкать в паука – желание уничтожать заложено в ДНК мальчишек, как мы знаем из уроков естествознания. Они размахивали палками, словно в их руках мечи, довольствуясь тем, что наносили колющие удары воображаемому сопернику, раз матери не позволили им убить паука.

Я чувствовала возбуждение стоявшего рядом Каттера: ему хотелось присоединиться к ним, но он знал, что ему нельзя. Само его тело напряглось, внутреннее *Я* рвалось к тем мальчишкам, тогда как сам он оставался на месте. Я не сказала ему ни слова и даже не шелохнулась. Мне и не нужно было. Каттер знал, как обстоят дела. Как бы ему того ни хотелось, он походил на тех мальчишек.

Тем временем девочки съезжились от страха, драматизируя даже больше, чем нужно, прижались друг к другу и визжали так громко, что один спасатель зажал руками уши, а родители закатили глаза и велели девочкам замолчать. Я, конечно, визжать не стала. Я не такая, как эти девчонки, в точности, как Каттер отличается от местных мальчишек. Поэтому я просто наблюдала за пауком и жалела его: сейчас уничтожат все его труды. Я надеялась, что никто не причинит пауку вреда, что кто-нибудь помешает мальчишкам убить

несчастное существо, когда матери отвернутся. Мы с Каттером – и только мы двое – стояли в сторонке, отдельно от толпы.

Один спасатель нашел длинную палку и осторожно извлек паука из паутины, а затем опустил в траву, не причинив насекомому вреда. Двое мальчишек сделали вид, будто нашли его и затоптали. Второй спасатель другой палкой сбил паутину, позволив собравшейся толпе попасть на территорию у бассейна. Про паутину быстро забыли, и соседи как ни в чем не бывало потащились к воде. Они натирались солнцезащитными кремами, открывали пиво и практически игнорировали своих чад, спеша рассказать друг другу, как поживали последние девять месяцев. Бассейн собирал всех обитателей этого поселка, но только летом.

Позже в тот день пошел дождь, и всем пришлось бежать к машинам под каскадами воды, ворча, что день испорчен, крича друг другу, что это плохое начало летнего сезона. Они выбегали из тех же ворот, через которые входили, напрочь позабыв про существование паука. После я вспомню о нем, спрошу себя, а что он хотел нам сказать и изменилось бы что-нибудь, если бы мы прислушались.

Зелл

Зелл Бойетт осторожно спустилась по лестнице, с благодарностью цепляясь за перила. Раньше она буквально слетала по этим ступенькам, едва касаясь их ногами, когда неслась по своим многочисленным делам: книжный клуб, церковь, заседания районного совета, обеды с подругами. Джон часто подкалывал ее: «Ты же поранишься». И она поранилась, но не там, не на лестнице.

Она старалась идти нормально, когда входила на кухню, где Джон пил кофе за столом и с растерянным видом пялился в экран компьютера. Подняв глаза, он увидел ее на пороге.

– Доброе утро, – сказал он.

Налив себе кофе, она присоединилась к нему за столом, положила ладонь ему на руку.

– Голоден? – спросила она. В той или иной форме в точности этот разговор они вели последние тридцать лет.

Он пожал плечами.

– Съем что-нибудь, если ты приготовишь. – Его стандартный ответ.

Зелл заковыляла к буфету. Она чувствовала, что муж наблюдает за ней, и знала, какие слова вертятся у него на языке, – точно так же, как если бы он произнес их вслух. Джон беспокоился о ее колене, постоянно уговаривал сходить к врачу. Когда, заметив это впервые, он спросил, как она по-

ранилась, она ответила: на пробежке, – достаточно близко к правде.

Она принялась готовить им парфе из мюсли, йогурта и черники, но ее прервал стук в дверь. Стучали неуверенно, и она привыкла слышать такой стук по меньшей мере раз в день. Открыв заднюю дверь, она увидела на пороге маленького Алека из соседнего дома. Он посмотрел на нее из-под челки, которую давно следовало подстричь. Надо бы предложить свои услуги его отцу, рассказать, как она стригла волосы собственным сыновьям, когда им было столько же, сколько сейчас Алеку. Ланс откажется и взмахнет руками так, словно это последний штрих в магическом фокусе, благодаря которому все неприятности исчезнут. Он станет заверять ее, что все в порядке и он давно собирался повести Алека и Лайлу стричься. А потом на его лице возникнет выражение измученной тревоги – такое выражение лица всегда заставляло Зелл волноваться. У бедняжки случится сердечный приступ еще до того, как ему стукнет сорок.

– Привет, миссис Бойетт, – сказал Алек и тщетно попытался смахнуть челку с глаз. – Папа послал спросить, нет ли у вас молока. – Мальчик покачал головой и уставился в пол, точно отцовская некомпетентность ему просто невыносима. – Он опять забыл его купить.

Не далее как вчера Алек стоял на этом самом месте и просил то же самое. Тогда она отдала ему молоко, которого оставалось совсем немного, а затем захромала в продуктовый ма-

газин за новым. Ей хотелось сказать, что она не может и дальше снабжать их молоком и другими продуктами. Но отчасти (и это была бóльшая часть) она знала, что и дальше будет так делать.

– Конечно, Алек. – Она улыбнулась мальчику, чтобы его успокоить.

Достав из холодильника молоко, она протянула ему полный галлоновый² пакет. Алек взял пакет с тихим «ух», прижал его к груди, словно баюкая, как маленького ребенка, которого он должен защищать ценой собственной жизни; конденсат от картонки намочил перед его футболки, на которой уже красовалось пятно от шоколадного сиропа.

– Приятного аппетита, – пожелала ему Зелл.

Она знала, что эти дети ужасно плохо питаются. Она не одобряла, когда Ланс кормил их хлопьями с сахаром, но он не спрашивал ее мнения, и она подозревала, что, хотя Ланс и ценил ее помощь, ему было наплевать на ее мнение. Но это не мешало ей задаваться вопросом, что бы подумала Дебра, если бы увидела своих детей с нечесаными волосами и грязными ногтями, с желтоватым цветом лица и маленькими жировыми складками, скапливающимися на талии. Она потеребила пояс своего халата. Складочки, сродни ее собственным. С прошлой осени изменились не только дети.

Она помахала Алеку на прощание, но он не смог ответить ей тем же, поскольку руки у него были заняты молоком.

² Галлон – английская мера объема, соответствующая от 3,79 до 4,55 л.

– Спасибо, миссис Бойетт.

Он уже собирался идти домой.

А потом – потому что она заботилась о семье по соседству (возможно, даже слишком заботилась) или из-за того, как сторбился Алек, точно весь мир был заключен в том галлоне молока, – она окликнула его:

– Вы, ребята, пойдете сегодня на открытие бассейна?

Мысленно она увидела Дебру в тот первый год после рождения Алека, как она катала Алека на надувной лодочке для младенцев. На нем была панама от солнца, и поля постоянно обвисали и закрывали ему глаза, а он смеялся заливи-стым младенческим смехом. Дебра откидывала голову назад и смеялась вместе с ним.

Алек медленно, печально покачал головой.

– Папа говорит, ему надо работать.

Слова сорвались у нее с языка, прежде чем она успела его прикусить:

– Ну, скажи ему, что я могу взять вас обоих. Скажи ему, чтобы он зашел ко мне, когда у него будет минутка, и мы обо всем договоримся.

Мальчик вопросительно посмотрел на нее, мол, «Вы серьезно?», и она утвердительно кивнула.

– Давай! Иди и скажи ему! – Она обеими руками махнула в сторону его дома, подталкивая его туда.

Обернувшись, она увидела, что Джон наблюдает за ней, и выражение лица мужа сказало ей все, что ей нужно было

знать.

– И что Оливер Твист хотел на этот раз? – поинтересовался он. Джон притворялся грубым, но он был старым добряком.

– Ну зачем ты так? – упрекнула она мужа и поставила перед ним креманку с парфе.

Он поднял брови.

– Ты только что предложила отвезти этих детей в бассейн?

Она пожала плечами.

– Иначе они туда не попадут. Господь свидетель, что у Ланса нет времени их сводить.

Скрестив на груди руки, Джон смотрел на нее непроницаемо.

– Тебе лучше поостеречься, не то тебя засосет.

Она отмахнулась от его слов.

– А вот и нет. Ешь парфе.

– Я люблю, чтобы в парфе был пудинг, – проворчал он, но начал есть.

После нескольких минут тишины Джон сделал глоток кофе и сказал:

– Так вот, я разговаривал с Клейем Робинсоном. Кажется, они в той же лодке, что и мы. Дети разъехались, никаких планов на лето...

Зелл подняла глаза, догадываясь, к чему он клонит, и ей это не понравилось. Проигнорировав ее панический взгляд, Джон продолжал:

– Мы говорили о том, чтобы устроить небольшой отдых для двух парочек.

Зелл не хотела отправляться в такую поездку. Она хотела в семейный отпуск, как они привыкли: снять домик на пляже или в горах у ручья, или остановиться в отеле рядом с парком развлечений. Она хотела собирать мокрые полотенца, натирать кремом обгоревшую кожу и смахивать с себя песок. Она хотела пойти на рыбалку, в поход, покататься на американских горках, сделать лагерные вкусняшки из маршмеллоу и печений и поиграть в настольные игры. Она хотела свое привычное лето. Хотела все это повторить.

Но она не могла сказать об этом Джону, который все еще любил ее, все еще хотел ее, все еще держал за руку, когда они ехали куда-нибудь в машине. И она понимала: это очень и очень немало. Она положила ладони ему на руки. У него такие крепкие руки, даже сейчас она восхищалась ими.

– Что ты придумал? – спросила она.

– Я подумывал о Лейк-Лур, – предложил он. – Какое-нибудь тихое и спокойное местечко, вроде этого? Может быть, маленький летний домик на берегу озера. – Он усмехнулся, гордясь собой, что придумал такой отличный план. – С застекленной верандой. – Она обожала застекленные веранды, и Джон это знал. Они уже много лет говорили о том, чтобы пристроить к своему дому такую, но, учитывая тот факт, что надо оплачивать колледж троим детям, стоимость казалась неподъемной. Может быть, теперь они смогут это сделать.

– Мы с Клейем могли бы поиграть в гольф. Вы с Алтеей могли бы побродить по магазинам.

Джон давно уже дружил с Клейем по работе. Она кое-как переносила Алтею, но по доброй воле никогда бы не стала проводить с ней отпуск. У Алтеи была просто пугающая грудь, которая выглядела приблизительно так, как когда ее сын, дурачась, затолкал себе под рубашку надувные шары с водой. Грудь Алтеи будто жили отдельно от ее тела и нелепо болтались каждый раз, когда их хозяйка двигалась. А еще Алтея считала, что ее единственный сын поразительно похож на Тома Круза, и при каждом удобном и неудобном случае вытаскивала его фотографии. И это тоже тревожило Зелл: слишком часто ей приходилось присутствовать при приставаниях Алтеи к какому-нибудь бедняге с фотографиями, а ему оставалось только кивать и вежливо соглашаться.

– Неплохая идея. Я позвоню Алтее, как только представится возможность, – дружелюбно откликнулась она. Попозже она придумает, как отвертеться.

Удовлетворенный, Джон поставил чашку на стол.

– Знаешь, мне необязательно ехать на работу прямо сейчас.

Зелл рассмеялась.

– Я еще даже зубы не почистила.

– Меня интересуют не твои зубы.

Он сверкнул своей очаровательной улыбкой, поднялся со стула и отнес тарелки в раковину. Затем обернулся и вопро-

сительно поднял брови. Хихикнув, она от него отмахнулась. Он пожал плечами и пошаркал в душ.

Доковыляв до раковины, Зелл занялась мытьем кофейных кружек и тарелок после завтрака, подумывая о том, не подняться ли наверх и не присоединиться ли к Джону в душе. Разве это не та свобода, о которой они когда-то мечтали? Что-то за окном над раковиной привлекло ее внимание, заставив отбросить такие мысли. По ветру плыл голубой шар в форме сердца, плыл по улице, точно его на веревочке тянула невидимая детская рука. Забыв про посуду, Зелл смотрела ему вслед.

Брайт

Едва открыв глаза, она сразу же перешла в режим планирования, перебирая в уме дела на день вперед. Сегодня – открытие бассейна, а значит, надо убедиться, что сумки упакованы, ланчи приготовлены, время встречи с друзьями оговорено, солнцезащитный крем в большом количестве – и под рукой. Она лежала в своей постели, мысленно ставя галочки.

Она слышала, как в соседней комнате Ивретт обсуждает с Кристофером динозавров, снова и снова перечисляет разные виды, отвечает на те же вопросы, на которые отвечал уже десятки раз. Кристофер еще не мог выговорить все слоги в длинных названиях динозавров, а его ошибки в произношении вошли в легенду. Она слышала, как Ив смеется над тем, как Кристофер коверкает слово «велоцираптор». Потом раздался визг, безошибочное свидетельство того, как сын изображает этого велоцираптора. Эти звуки вытащили ее из кокона простыней, подтолкнули к сыну и мужу, ядру их семьи, ядру и центру ее самой.

– Мамочка встала! – сказал Ивретт Кристоферу. Он улыбнулся ей поверх головы мальчика. Волосы у обоих были одного оттенка русого, а глаза, хотя и разной формы, почти одинаковой голубизны. «Мои мальчишки», – подумала она, и сердце у нее сжалось от любви.

– Скажи маме, куда мы ходили сегодня утром, пока она

спала, – подстегнул Ив.

Кристофер задумался, потом глаза у него загорелись, когда он ухватился за правильный ответ:

– В «Криспи Крим»! – В его произношении это прозвучало как «Квиспи Квим».

– А какой пончик ты выбрал для мамы? – все подстегивал Ивретт.

– Шоколадный с посыпкой!

Брайт рассмеялась вместе с Ивреттом. Она знала, что «ее» пончик будет быстро поглощен неким почти трехлетним мальчиком со смеющимися глазами и любовью к динозаврам.

Она подхватила его на руки и прижала к себе, вдыхая его ранний утренний запах, как делала это с самого его рождения. Он был ее драгоценным, долгожданным малышом, ребенком, которого, как она боялась, у них никогда не будет.

– Привет, дружок, – сказала она. – Пончик и динозавр начинаются с одной буквы?

Кристофер скривился, напряженно размышляя. Он такой умный, уже научился связывать звуки с буквами, узнавать их четкие очертания. За их спинами Ивретт прошептал: «Нет».

Брайт наигранно замахнулась на него, когда Кристофер выкрикнул ответ, как будто сам до него дошел.

– Нет! Нет-нет-не-е-ет! – пропел он, потом рассмеялся, победно оглядываясь вокруг, когда его родители присоединились к нему.

– Я пообещала всем, что мы встретимся с ними у бассейна в одиннадцать, – сказала Брайт Ивретту. – Это даст нам несколько часов до послеобеденного сна. Но кому-то из нас придется сходить выгулять Ригби.

Ивретт кивнул в знак согласия и жестом поманил ее на кухню, где ее ждали пончик и свежесваренный кофе со сливками. Всего несколько недель назад, в День матери, он устроил из этого целую церемонию, и с тех пор Кристофер ухватился за идею суетиться вокруг маминых завтраков. Она не жаловалась. Но от мысли о переслащенном пончике ее стало подташнивать.

Ей вспомнились марш-броски в ванную по утрам, когда она была беременна Кристофером, как любила и ненавидела рвоту: любила, потому что она означала, что ребенок растет, а ненавидела, потому что кто-то завладел ее жизнью. «Пути назад нет», – думала она каждый раз, когда, склонившись над унитазом, расставалась с завтраком. «Оно происходит», – думала она тогда.

Но она знала, что сейчас ничего такого не происходит. Ей пришли на ум разговоры, какие они вели с Ивреттом. «Помнишь, сколько времени на это ушло?» – давил на нее Ивретт не далее как на прошлой неделе. Как будто она могла забыть.

Как сказать мужу, что не сможет сделать это снова? Что она хочет, чтобы Кристофер был их единственным ребенком? Муж вообще способен понять или принять такое? Будет ли он по-прежнему любить ее, если она просто твердо и

непреклонно откажется?

Словно прочитав ее мысли, Ивретт спросил:

– Ты думаешь о том, о чем мы говорили, да?

Он одарил ее той самой очаровательной улыбкой, которая могла уговорить ее на что угодно. Так было с тех пор, как они учились в девятом классе, и он уговорил ее сделать это однажды во время ночных игр в чьем-то палисаднике, пока другие дети играли в пятнашки и прятки в темноте и их бес-телесные голоса звали из темноты.

Она не далее как вчера прогуливалась мимо этого самого места, толкая перед собой коляску с сыном, пока выгуливала собаку их пожилой соседки. Теперь там жила другая семья, одна из череды семей, поселявшихся в том доме и выезжавших из него, – соседи прозвали дом «бельмом на глазу». Но она еще помнила, как выглядел дом до того, как его начали разрушать временные жильцы. Она многое помнила об этом поселке, который всю жизнь считала своим.

С географической точки зрения она недалеко ушла, но при этом проделала такой путь, на который считала себя неспособной. Она подумала о том, как одна ходила к врачу, о том, что пришлось сделать после. Она никогда больше этого не сделает. Судьбе не угодно, чтобы у них был еще ребенок, и делу конец. Теперь ей надо лишь заставить мужа понять ее сопротивление, не объясняя, насколько глубоко оно коренится.

Ивретт смотрел на нее, наблюдал в обычной своей насто-

роженной манере.

– Что мне сделать, чтобы убедить тебя, что это, – он указал на Кристофера, который сидел на своем высоком детском стуле, вокруг рта – коричневое кольцо шоколада, – очень хорошая идея? Такого не может быть слишком много.

Кусочек пончика, который она заставила себя откусить, превратился в клей у нее во рту. Она отхлебнула кофе, чувствуя, как ком застрял в горле, отчего стало трудно говорить.

– Кристофер был очень хорошей идеей. – Она взглянула на сына, готовая подмигнуть ему.

Но сын не слушал, поглощенный необходимостью провести игрушечную машинку через горки присыпки, осыпавшейся с его пончика.

– Но в данный момент один ребенок – просто благодать. Послушай, мы же говорили про электронное письмо с работы, про то, что они хотят, чтобы я вернулась, и о том, что осенью он пойдет в детский сад...

Она поковыряла то, что осталось на тарелке, и на стол полетела новая присыпка. Она не могла смотреть Ивретту в глаза.

– От тебя такая грязь, мама, – заметил ее сын.

Он указал на разноцветную присыпку, теперь разбросанную по столу, и попытался встать со стула – чтобы за ней убрать. Она смотрела, как Ивретт останавливает сына, уговаривает посидеть успокаивающими словами и обещаниями, что мама обо всем позаботится. Она встретила взглядом с

Ивреттом и понимающе моргнула. Обо всем позаботиться – ее работа и обязанность.

Дженси

Свернув на стоянку «Макдоналдса», Дженси направила огромный внедорожник на узкое пространство и лихо припарковалась, каждым жестом излучая фальшивую уверенность. Обернувшись, она увидела две пары широко раскрытых глаз, уставившихся на нее, и выражение на лицах дочерей сродни тому, какое возникло, когда она повела их в цирк, – недоверие с толикой страха.

– Ну, девчонки, голодные? – спросила она.

– Мы... тут будем есть? – спросила Пилар, ее старшая дочь.

– Конечно! – Дженси постаралась, чтобы ответ прозвучал легко и непринужденно. – Пошли посмотрим, что тут подают.

Пилар закатила глаза, пробуя себя в новой роли – подростка.

– Мам, это «Макдоналдс», тут подают бургеры.

– И картошку фри! – добавила Зара, ее младшая дочь. Она подалась вперед и понизила голос, будто собиралась рассказать секрет: – Можно нам картошку фри?

– Конечно! – откликнулась Дженси.

Она открыла дверцу, от чего в салоне включился свет, высветивший лица ее дочерей на фоне надвигающейся ночи. «Все, что мне дорого, – в этой машине», – подумала она.

– Мы даже молочные коктейли можем купить! – Она помахала им, чтобы дочери следовали за ней, и выбралась из машины.

Пилар едва-едва приоткрыла дверь со своей стороны и бросила на мать взгляд, который напомнил ей Дженси Арча, что пришлось отвернуться. Она возилась с ключами, убирая их в сумочку, положила рядом с пачкой денег, спрятанную для нее Арчем. Часть их придется потратить на ужин. Это были все деньги, что остались у нее в этом мире.

– Мама! – услышала она голос Пилар, в котором сквозили родительские нотки. – Ты никогда не разрешала нам есть в «Макдоналдсе».

Она обернулась.

– Ну, все когда-нибудь случается в первый раз, правда? И пошла вперед, надеясь, что девочки последуют за ней.

Они заняли место в очереди. Она пробежала глазами меню, пытаясь вспомнить, что ела в «Макдоналдсе», когда они с Брайт считали, что ходить туда – праздник. Вроде бы они ели горячий сандей. С орехами. Бегло осмотрев доску, она обнаружила, что сандеи все еще подают. Это принесло ей невероятное облегчение. Кое-что никогда не меняется. Интересно, относится ли к этому «кое-что» Сикамор-Глен?

Зара потянула Дженси за локоть, чтобы привлечь ее внимание.

– Да? – Дженси опустила взгляд.

– Ты серьезно про молочный коктейль говорила? – про-

шептала она.

Дженси рассмеялась.

– Совершенно серьезно, – прошептала она в ответ.

Она попыталась поймать взгляд Пилар, но старшая дочь игнорировала ее. Пилар злилась: ей пришлось оставить свой дом, своих друзей, саму свою жизнь. Дженси ее не винила. Она злилась. Злилась и была опечалена.

Она вспомнила, как Арч сидел за стеклянной перегородкой, вспомнила, как шевелились его губы, пока из телефона доносился его голос.

– Ты даже не представляешь, – сказал он. – Ты понятия не имеешь, что потребовалось, чтобы все это поддерживать. – Капли его слюны попали на стекло, растеклись каким-то узором, созвездием. – Я сделал это для тебя! – добавил он, как будто она была каким-то образом замешана в его преступлениях. Тогда она отвернулась, повесила трубку соединявшего их телефона и ушла. Если он и сказал что-то еще, она этого не слышала.

Зара заказала шоколадный молочный коктейль, и Дженси добавила:

– Пусть будет три! – Ее голос был полон фальшивого веселья.

Пилар начала спорить из-за молочного коктейля, но она так глянула на дочь, что та примолкла. «Нам это нужно, – безмолвно умоляла она свою старшую. – Подыграй».

Кассирша пробила чек, и Дженси отсчитала деньги, чтобы

заплатить. Монетка в один пенни проскользнула у нее между пальцев и лениво покатилась по прилавку, пока не упала на липкий пол у ног кассирши. Девушка моргнула Дженси из-под коричневого козырька, умудряясь выглядеть одновременно скучающей и занятой, пока ждала последний цент. Дженси протянула ей еще один пенни. В ее прошлой жизни монеток по пенни вообще не существовало.

После так называемого обеда и короткой остановки у ближайшей заправочной станции они вернулись на трассу. Дженси намеревалась поехать напрямик к дому своих родителей, пока девочки спят. Номера шоссе менялись от 95 до 40 и 85. Раньше она знала, как нумеруются дороги, а теперь ей приходилось вспоминать. Нечетными числами обозначают те, что идут с востока на запад или с севера на юг? Должно быть, с севера на юг – нечетные. Странное путешествие из одного бывшего дома в другой. Она думала о доме, который оставила позади, о желтой ленте, обозначающей место преступления и навсегда перекрывшей ей дорогу обратно.

Июнь 2014

Зелл

Каким-то образом то одно предложение, сделанное под влиянием Дня поминовения Алеку Брайсону, превратилось в постоянное обязательство. (Джон был прав насчет того, что ее засосет, хотя Зелл неприятно было это признавать.) Три недели кряду она почти каждый день таскалась к бассейну, ведя за собой Алека и Лайлу, следила, чтобы они не обгорели и чтобы им было чем перекусить, велела им не носиться, присматривала за детьми, когда казалось, что спасатели недостаточно внимательны.

Она оглядела периметр бассейна, надеясь увидеть знакомое лицо, как бывало, когда она приходила сюда с собственными детьми. Тогда у нее были друзья – в той же лодке, что и она. Они обменивались солнцезащитными кремами, мазали ими детей, даже не замечая, чьих именно обхаживают. И еду с собой они приносили на всех, передавали друг другу сэндвичи с арахисовым маслом и желе, слегка забродившем на жаре. По пятницам они приносили пиво и пили по выходным, делясь рецептами маринадов, салатов с макаронами и прочих летних блюд.

В конечном итоге они просиживали вместе часами, жалу-

ьясь на денежные проблемы, на детей и, как всегда, на мужей. Но то были сетования такого рода, что приносили Зелл утешение, давали ей понять, что она – часть чего-то большего. В те бесконечные дни, когда дома она чувствовала себя одинокой и забытой, она думала о своих подругах по бассейну, которые переживают то же самое каждая в своем доме, и ей становилось не так одиноко. Зимой она ловила себя на том, что считает дни до открытия бассейна. В течение учебного года они просто не общались так, как летом. Они сами себе были маленьким летним клубом.

Этим летом ее снова затянуло в мирок матерей и детей, она сидела в шезлонге рядом с молодыми женщинами (потому что, несмотря на весь прогресс общества, сюда ходили с детьми в основном женщины), поскольку именно тут хотели проводить время Алек и Лайла. Ну, по крайней мере, Лайла. Алек по большей части держался особняком. Зелл о нем беспокоилась, задавалась вопросом, до какой степени ему повредило случившееся.

Она почувствовала чье-то присутствие и открыла глаза, щурясь на яркий солнечный свет, отражающийся от воды. Алек стоял над ней, как будто она мысленно его позвала. Он все еще был сухим, и выражение на его лице было так похоже на выражение лица его матери, что ей пришлось отвернуться. Сегодня он отказался заходить в воду, сидел в сторонке и наблюдал.

– Когда мы уйдем отсюда? – спросил он.

– Но, Алек, мы же только что пришли, – ответила Зелл. Она указала на группу детей в бассейне, занятых какой-то странной игрой, которая требовала очень быстро переплыть с одной стороны на другую. – Почему бы тебе не пойти поиграть с детьми? Им как будто весело.

Алек посмотрел туда, куда она указывала, и покачал головой.

– Не хочу.

Зелл заметила в бассейне молодую женщину, играющую со своим маленьким мальчиком, и задумалась, а не из-за них ли Алек хочет уйти.

– Что ж, мы только что намазали тебя кремом от солнца и еще не поели вкусностей, которые я для нас припасла, и твоя сестра, кажется, хорошо проводит время. Поэтому придется остаться ненадолго.

Алек глубоко вздохнул.

– Ладно, – сказал он и зашаркал прочь, потом вдруг резко остановился и поплелся назад. – Можно мне пойти на детскую площадку? – В его голосе снова зазвучала нотка надежды.

С тех пор как ее дети были маленькими, детскую площадку переоборудовали. Старую сочли «небезопасной», хотя только Господь Бог знает, как часто ее дети играли там и ни разу не поранились. Но сегодня родители трясутся из-за миллиона всевозможных мелочей. Тут она порадовалась, что ее чада пока не завели собственных детей. Она сомне-

валась, что готова ко всем правилам и предписаниям – на случай, если ей привезут погостить внуков. Она слышала истории про специальное детское питание, которое поставляют на сухом льду и которое стоит как золото; про детские автомобильные кресла, которые практически сами водят машину; про разнообразные аллергии, предрасположенности и диагнозы – сплошь с заковыристыми названиями. Если хотите знать ее мнение, новое поколение родителей слишком информировано. Все беды от Интернета: он подпитывает их неврозы, придает им власти. А чего стоят все эти новомодные гаджеты! Да они так горбятся над своими смартфонами, что общаться разучились.

– Можно? – повторил Алек.

Она оглянулась на площадку, большое деревянное сооружение со всевозможными сложными платформами на разных уровнях и лесенками, но всего лишь двумя маленькими качелями, – она стояла на пяточке, отделенном от бассейна забором и примыкающем к озеру, которое на самом деле было просто приукрашенным прудом.

– Наверное, да. Твоя... – она осеклась. Она чуть не сказала «мама». – Твой отец разрешает тебе туда ходить?

Алек энергично закивал.

– Я буду осторожен, – пообещал он.

По крайней мере, Ланс подстриг Алеку челку, так что теперь стали видны огромные карие щенячьи глаза.

– Хорошо, просто прислушивайся, я тебя позову, – пре-

дупредила она его.

Рассеянно кивнув, мальчик быстро пошел прочь. Зелл задалась вопросом, а не надул ли он ее и действительно ли Дебра ему бы разрешила. Вздохнув, она прикрыла глаза рукой. Дебра ушла, а Зелл – здесь. Так что уже не имеет значения, чего бы хотела Дебра. Это ведь Зелл следит за тем, чтобы они не обгорели, чтобы побыли на свежем воздухе и чтобы к завтраку получили молоко. Это ведь Зелл беспокоится за мужа Дебры и заставляет собственного мужа стричь соседский газон, чтобы не пришлось этого делать бедному загруженному работой Лансу. Это ведь Зелл сейчас одним глазом присматривает за сыном Дебры на детской площадке, а другим – за ее дочерью в бассейне. Это ведь Зелл взяла на себя ответственность. Иногда ей хотелось просто рассказать Лансу правду о Дебре, но вместо этого она сосредоточилась на помощи детям. Она говорила себе, что этого достаточно. Потому что рассказать Лансу правду о Дебре означало бы рассказать правду о себе.

Спасатель дунул в свисток.

– Плавают взрослые! – завопил он и с облегчением слез со спасательной вышки.

Дети в ответ хором громко застонали и, выбравшись из воды, направились туда, где сгрудились родители, – шезлонги теперь были расставлены в странном порядке, а совсем не симпатичными ровными рядами, как в начале каждого дня.

К Зелл подошли Лайла и две ее маленькие подруги.

– Можно мне эскимо? – спросила она, ее голос звучал милее и нежнее обычного. Ей было десять лет, а она уже умела манипулировать. Ее маленькие подружки настороженно держались позади, вода с их купальников размеренно капала на бетон.

– Мы не принесли с собой мороженое, милая, – ответила Зелл.

– А мои друзья принесли. – Она мотнула головой на девочек, которые захихикали в ответ. – Они сказали, что мне можно.

– Думаю, если их мать разрешила, тогда ладно, – откликнулась Зелл.

Порывшись в пляжной сумке, она достала ярко-оранжевую кепку с козырьком, украшенным названием какого-то препарата, – сувенир с одной из многочисленных фармацевтических конвенций Джона. Кепку она надела на голову. Солнце палило просто нещадно. Но ее кожа загорает, значит, оно того стоило. По крайней мере, жир у нее будет загорелый. Она опустила взгляд на свой живот, обтянутый голубой лайкрой. Какая жалость, что компания Джона так и не научилась производить препарат, который заставлял бы людей худеть, не убивая их в процессе.

Девочки радостно завизжали – да так, что от визга у Зелл едва не разорвались барабанные перепонки, и побежали туда, где сидела мать двух других. Лайла выглядела такой же неуверенной и такой же чужой здесь, как сама Зелл.

Через два шезлонга от Зелл вернулась на свое место молодая мать с маленьким мальчиком, с которого лило и капало и который тихо плакал.

– Сейчас плавают взрослые, – терпеливо объясняла молодая женщина. – Это значит, что мамы и папы будут плавать без детей. – Она указала на пустую вышку спасателей. – Видишь? Там нет спасателей, которые защитили бы маленьких детей.

Маленького мальчика это объяснение не удовлетворило.

– Но я хочу поплавать, – заныл он. Судя по голосу, он был близок к истерике. Зелл давно научилась распознавать эти признаки.

– Сейчас мы поьем сока и поедем клубники. А когда доедем, как раз придет время вернуться в воду. – Голос молодой женщины звенел, точно она старалась, чтобы слова прозвучали по-доброму, но сама готова сорваться. Правила воспитания детей, возможно, за прошедшие годы изменились, но кое-что осталось прежним.

– Простите, – прервал ее подслушивание чей-то голос, и, подняв глаза, она увидела перед собой руку с красивым маникюром. Машинально она протянула свою, чтобы ее пожать.

– Да? – спросила она, когда ее руку несколько раз дернули вверх-вниз. В предлагавшемся к руке лице было что-то знакомое, но она не могла определить, что именно.

– Пилар и Зара – мои дочери. – Женщина махнула на двух

маленьких девочек, с которыми убежала Лайла. Вся троица сейчас, завернувшись в полотенца, сидела кружком и ела полосатое – красно-бело-синее – эскимо. – А вы у Лайлы... – Она замолчала, не зная точно, кем приходится друг другу Зелл и Лайла.

– Соседка. Наши дома стоят рядом. Ее отец сегодня занят, поэтому я предложила забрать на время детей.

– А... ну... так... мило с вашей стороны. – Она глянула на девочек, потом снова перевела взгляд на Зелл. – Кажется, Лайла пригласила девочек к ним поиграть, и я согласилась, но потом решила подойти у вас спросить, но теперь я понимаю, что... что это, скорее всего, невозможно.

– Да. Сомневаюсь, что Ланс – это отец Лайлы – захочет, чтобы дома были еще дети. Он в последнее время работает дома, и ситуация... немного сложная.

Женщина издала циничный смешок.

– О, уж это мне понятно, – сказала она, а затем, обратившись, скорее, к самой себе, добавила: – Слишком уж понятно.

Маленький мальчик, сидевший через несколько шезлонгов, словно по подсказке, издал утробный смешок.

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Ох, простите, где мои манеры? Дженси Уэллс.

Зелл прищурилась на нее, пытаясь соотнести незнакомую фамилию и взрослое лицо. Когда-то она знала Дженси, девочку одних лет с ее сыном Таем. Та девочка была в их рай-

оне «королевой пчел», которая всему и всем задавала тон и была полна решимости взять мир штурмом. Все мальчишки были в нее влюблены, включая ее собственного сына, хотя он никогда бы в этом не признался. Потом случились все те неприятности, и родители увезли ее среди ночи и спрятали в каком-то колледже на севере. Зелл слышала, что она заделалась янки, вышла замуж за какого-то мужчину с кучей денег и почти не приезжала домой погостить. Люди говорили, что ее мать, Лоис Сейбот, давняя подруга Зелл, едва знала собственных внуков. Историю Дженси Сейбот бабушки пересказывали друг другу как предостережение.

– Вы... ты, случаем... не... – начала было Зелл.

Лицо Дженси расплылось в широкой фальшивой улыбке.

– Ага, это я! – воскликнула она чуть громче, чем следовало бы. – Дженси Сейбот.

– Ну надо же, Дженси, как мило. Ты погостить приехала? – спросила Зелл. – Уверена, твоя мама просто в восторге!

– Да, – откликнулась Дженси. – Мы... э... приехали в гости.

– Я – Зелл Бойетт. Ты знала моих сыновей, Джона-младшего и Тая? – Она чуть было не добавила: «Думаю, Тай был в тебя влюблен», – но прикусила язык. Теперь до этого никому не было дела.

– О, конечно, миссис Бойетт, как они?

– У них все в порядке, дела идут хорошо. Джон женат на чудесной девушке. Они оба строят карьеру и решительно от-

казываются рожать мне внуков. – Она не упомянула Тая, и, к счастью, Дженси не спросила о нем. Тай... не шел так на подъем, как брат.

– Пожалуйста, передайте им от меня привет, – сказала Дженси. Состроив гримасу, она посмотрела в сторону кабинок и сделала шаг в том направлении. Ее девочки как раз выходили, смеясь и толкая друг друга. Одна включила наружный душ и, дурачась, сунула голову под струи воды.

– Дженси? – окликнула ее молодая женщина с маленьким мальчиком и тем помешала Дженси удалиться. Вскочив с шезлонга, она в мгновение ока очутилась возле Дженси и Зелл. Она порывисто обняла ошарашенную Дженси, потом отступила на шаг, чтобы хорошенько ее рассмотреть.

– Поверить не могу, что это ты! Ты здесь! Ты вернулась! – удивлялась она.

– Брайт? – переспросила Дженси, и вид у нее стал такой же ошеломленный, как у ее подруги. Зелл оказалась свидетельницей воссоединения. – Брайт Беннетт? Глазам своим не верю! – Дженси еще раз обняла подругу, а потом отстранилась, чтобы, в свою очередь, хорошенько ее рассмотреть. – Ты уже совсем взрослая.

А другая молодая женщина – еще одно дитя, с матерью которого Зелл проводила свои летние дни, – рассмеялась и сказала:

– И ты тоже.

Сначала Зелл глазам своим не поверила, удивилась, что

сама ее не узнала. А теперь, услышав фамилию, подумала: «Ну, конечно!»

– Выглядишь просто великолепно! – тем временем говорила Дженси. – То есть просто красавица. – В ее голосе прозвучала нотка недоверия, затмевающая комплимент, – так во всяком случае почудилось Зелл. Но обе молодые женщины почти забыли о ее существовании.

Брайт покраснела.

– Ээ... спасибо.

Она опустила глаза на жмущегося к ее коленям маленького мальчика, уцепившись за его присутствие, как за шанс отвлечь разговор от некомфортного факта ее красоты. Зелл вспомнила, что девочкой Брайт была весьма невзрачной. И уж точно она доросла до своего имени: она буквально лучилась светом³.

– Это мой сын, Кристофер, – сказала Брайт. – Ему почти три года. А ты? Слышала, у тебя есть дети?

Зелл хотела сказать что-то, что позволило бы ей принять участие в разговоре, сделало бы ее присутствие необходимым здесь, но передумала. Она прислушивалась к разговору двух молодых женщин, чувствуя себя лишней, – в чем-то сродни брошенным полотенцам, смятым коробкам из-под сока, мокрым следам, которые оставались на асфальте и быстро исчезали, никому не нужные и всеми забытые.

³ Брайт (bright) – яркий (англ.).

Дженси

Девочки выходили из грязной душевой босиком, без шлепанцев, и Дженси уже собиралась напомнить им (снова) об опасности грибка, когда кто-то ее окликнул. Она повернулась посмотреть, кто же тут знает ее имя, и ее мозгу потребовалось несколько секунд, чтобы понять, кто перед ней. Она не ожидала, что столкнется здесь с Брайт, хотя теперь поняла: встреча всегда была вероятной. Брайт ведь не намеревалась уезжать далеко.

В глубине души Дженси знала, что этот момент – или что-то подобное – рано или поздно наступит. Нельзя вернуться в места своего детства и не наткнуться на людей из этого самого детства. Спонтанная идея повести девочек к бассейну была не самым умным шагом. Но ей отчаянно хотелось отвлечь их от неприятных мыслей. Пока они играли в бассейне и заводили новых друзей, они не задавали вопросов о будущем. И у бассейна она могла расслабиться от настороженного, обеспокоенного взгляда матери.

Брайт вышла за Ивретта. Конечно, Дженси это знала. Ее родители были на свадьбе, уговаривали ее тоже прийти.

– Приводи Арча, – сказали они, как будто присутствие Арча могло снять неловкость. Но Зара была совсем крохой, и она отговорила под предлогом, что трудно путешествовать, когда кормишь грудью. С такой ложью никто не мог по-

спорить. Она послала счастливой паре дорогой серебряный поднос.

Она всмотрелась в маленького мальчика, державшегося за руку Брайт (как странно... дитя Ивретта и Брайт!), поискала в нем следы Ивретта. Цвет волос и глаз – тот же. Но в основном он был похож на Брайт. Это немного ее подбодрило, придало ей мужества остаться и поболтать с молодой женщиной, которую она когда-то любила и предала и которая в конечном итоге предала ее в ответ. Но разве это действительно можно назвать предательством? Теперь, когда они стали старше, она была не вполне уверена, что дело обстояло именно так.

Теперь она знала, что такое настоящее предательство. В ее голове возникла картинка – Арч за стеклом в тюрьме.

Спасатель свистнул в свисток, и она увидела, как дочери и их новая подруга рванули назад в воду. Брайт стала уговаривать ее пойти с ними в бассейн, чтобы успокоить мальчика и продолжить разговор. Они обе помахали пожилой женщине, возле которой так неловко стояли, и пошли за мальчиком (она уже забыла, как его зовут, или, может быть, намеренно заблокировала его имя) к мелководью. Она все равно подумывала искупаться – такая жара, а ведь еще только июнь. Она забыла, какие зной и влажность бывают летом на Юге. Но она также забыла мамины бутерброды с помидорами (белый хлеб, очищенные и нарезанные помидоры, щедро приправленные солью и перцем, майонез Дюка), вкус свежих

персиков с дерева и погоню за светлячками в сумерках, тепло ночного воздуха – как в полдень в Коннектикуте. Дом ее детства все еще мог предложить утешение того детства, утешение, в котором она так нуждалась.

– Как же здорово! – воскликнула Брайт. Она посмотрела на мальчика. – Кристофер! – В ее голосе звучала та нежность, на какую способна только молодая мать. – Это одна из старейших маминых подруг. Мы вместе выросли. – Она посмотрела на Дженси, ища подтверждения тому, что ее утверждение было правдой.

Дженси кивнула и отвернулась, делая вид, что ищет своих дочек, хотя точно знала, где они: на маленьком трамплине для прыжков в воду. Дома в клубе имелись высокий трамплин, горка-серпантин, снэк-бар с официантами, приносящими напитки к шезлонгу. Ей с подругами практически достаточно было просто протянуть руку, и напитки появились как по волшебству. Интересно, знает ли Брайт правду о том, почему она вернулась? Ей еще предстояло услышать ту безошибочную нотку жалости, которую она различала в голосах своих бывших подруг в Коннектикуте в те злополучные пару раз, когда она сталкивалась с ними перед отъездом.

Она не хотела никому рассказывать, что случилось с Арчем, даже родителям. Но когда стало ясно, что ей может понадобиться помощь родни, она рассказала им все грязные подробности. Ее отец, такой порядочный и добрый, предложил съездить и надрать Арчу задницу. Она невольно рассме-

ялась и заверила его, что нет, его услуги по надиранию задницы не понадобятся. Федеральное правительство и так прекрасно справляется, но все равно – спасибо.

– Просто знай, что мы рядом, если понадобится, – сказал отец.

От доброты в его голосе на глаза ей навернулись слезы. Это напомнило ей о поддержке, которую он предлагал раньше, когда сердечки начали появляться повсюду и не оставили ей выбора – только уехать куда-нибудь, где «поклонник» не сможет ее найти. Именно отец отвез ее на север, в колледж, о котором ни она, ни родители никому не рассказывали, поскольку неясно было, кто ее преследует. Нельзя было, чтобы не тот человек узнал, чтобы не тот человек нашел ее. Это была долгая, тихая поездка, радио работало тихо, настроение в машине было задумчивым, почти таким же, как ее поездка назад все эти годы спустя.

– Не могу поверить, что мама не сказала мне, что ты здесь! – говорила тем временем Брайт, сосредоточившись на Кристофере, а не на Дженси, что было хорошо.

– Она, наверное, не знала, – откликнулась Дженси.

– Не знала? – переспросила Брайт. Она посмотрела на самолет, летящий по широкому голубому небу, и кивнула в ответ на (очередной в числе нескончаемой вереницы) вопрос Кристофера.

– Я вроде как попросила своих помалкивать, что я здесь.

– Ох, нет! Что-то случилось? – На лице Брайт отразилось

логичное беспокойство, но Дженси все равно не могла ей рассказать. Она видела, что Брайт пытается быть ей подружкой, но – по многим причинам – их отношения были уже не те, что прежде.

Помахав рукой в воздухе, Дженси заставила себя улыбнуться.

– Просто не хотела шум поднимать. Знаешь, столько времени прошло.

– Да, немало, Дженси. – Голос Брайт стал тише. – Никогда бы не подумала, что ты уедешь так надолго.

Хотя она пыталась это скрыть, Дженси уловила в голосе Брайт боль и попыталась исправить ситуацию шуткой.

– Ну, знаешь, как это бывает: встретила парня и забеременела... ой, надо же! – Дженси усмехнулась, ожидая, что Брайт рассмеется в ответ, но Брайт даже не улыбнулась: а эта стандартная шутка обычно вызывала отклик. Поэтому Дженси продолжала говорить, слова как бы сыпались сами собой: – Мы поженились, родились девочки, и жизнь была совсем сумасшедшая. Мы пару раз приезжали, но ненадолго. Было проще, чтобы мои родители ездили к нам. – Она сделала глубокий вдох. – А как насчет тебя? Как так вышло, что ты снова тут?

Брайт смотрела за Кристофером, опускающим лицо в воду, и зааплодировала так, словно он только что переплыл весь бассейн.

– Когда я забеременела Кристофером, мы купили здесь

дом. Я хотела, чтобы у него было такое же детство, как у нас с тобой. Ты же знаешь... – Брайт осеклась, сообразив, что говорит. Для Дженси здесь – место не самых счастливых воспоминаний. Для нее это место, от которого бегут, а не то, куда возвращаются. Но Брайт быстро оправилась, ее голос зазвучал уверенно: – Я имею в виду, нам здесь нравится.

– Ну, разумеется, – услышала собственный голос Дженси. – Тут мило.

Она оглянулась на красивого спасателя в огромных солнцезащитных очках на вышке, на колышущуюся воду, на играющих детей и пожилую женщину, которая была такой милой – мать Джона-младшего, его еще все звали Джей-Джей... Если она постарается выкопать из памяти счастливые воспоминания об этом месте, то, возможно, сумеет. Возможно, увидит вещи в ином свете.

– Мам, смотри! – услышала она крик Зары и, обернувшись, увидела, как ее младшая, вечно осторожная дочка стоит на трамплине. Дома Зара и близко не подходила к высокой доске или горке, держалась мелководья для самых маленьких, настаивая, что ничего другого и не хочет. Может быть, этот короткий трамплин больше ей подходит. – Смотри же!

– Я смотрю! – весело крикнула она в ответ.

Зара подпрыгнула и, подтянув к животу ноги, сжалась в маленький комочек, прежде чем с громким всплеском упасть в воду. Все остальные дети захлопали в ладоши, когда Зара снова вынырнула на поверхность и заморгала, про-

тирая глаза, чтобы убедиться, что Дженси все еще смотрит.

Брайт

Возвращаясь к своему шезлонгу, Брайт наступила на пустой пакет из-под сока, и оставшееся содержимое брызнуло ей на ногу. Она поморщилась и села, чтобы вытереть ногу полотенцем. Пока она вспоминала былое с Дженси, пришла ее подруга Карен с дочерью Сарой. Карен опрыскала ребенка «SPF 100», причем больше попало в воздух, чем на девочку. Разогнав облако защитного состава, Брайт протянула чашку с водой Кристоферу, который уже скулил, что хочет вернуться в бассейн.

– Надо с друзьями поздороваться, – принялась улещивать она, потом посмотрела на Карен и устало вздохнула: – Привет.

Карен со смехом указала на Дженси.

– Кто это такая?

Брайт в ответ кривовато улыбнулась. Как объяснить, кто такая Дженси? Сейчас у нее не было сил вдаваться в подробности, поэтому она объяснила как можно короче:

– Мы с ней вместе выросли. Она с девочками приехала погостить, – произнесла она это как можно веселее и беззаботнее.

Карен украдкой разглядывала Дженси из-за темных очков.

– Она хорошенькая, – сказала она. – Даже очень хоро-

шенькая.

Брайт откинулась в шезлонге.

– Она всегда была такой, – сказала Брайт. – И, кроме того, ее дочки старше. У нее есть больше времени на себя.

– А то я не знаю. – Карен указала на себя. – Это что, купальник? – Она провела рукой по простому черному купальнику с закрытым верхом-топом. – Надевая вот это сегодня, я вдруг поняла, что впервые за два дня вылезла из треников! Когда Кевин хочет заняться сексом, я ему в ответ: «Чувак? Ты на меня смотрел? Знаешь, как от меня несет?»

Брайт рассмеялась.

– Твоя правда, сестра.

Карен начала с трудом натягивать надувные нарукавники на руку дочери, а Сара извивалась и скулила.

– Пока не наденешь, в воду не пойдешь, – отрезала Карен. – Ты же знаешь правила.

Однако сама же сдалась, когда нарукавники оказались чуть выше локтей, а не на бицепсах, где им полагалось быть, и махнула Саре идти в бассейн.

– Пошли, – сказала она.

Жестом она подстегнула Брайт встать, и та добродушно застонала.

– Я тебе сто долларов заплачу, если на один час возьмешь в бассейн обоих детей.

Карен энергично замотала головой.

– Если я иду, то и ты тоже. Это кодекс материнства. И,

кроме того, это я тут беременна. Это мне положено прохлаждаться.

Брайт незачем было напоминать о нынешнем положении подруги. Как раз тот факт, что Карен и Кевин объявили о новом ребенке, и подтолкнул Ивретта в крестовый поход за пополнением семейства. По иронии судьбы фамилия Карен и Кевина была Джонс. И Ивретт был полон решимости не отставать от них.

Они плескались в воде, болтали о последних событиях в поселке, перебирая все те же темы, какие обсуждали всегда. Стоит ли возобновить осенью вечера игры в «Банко»? Кто и что принесет к общему столу четвертого июля, в День независимости? Как отреагируют местные дамы на мысль устраивать раз в месяц в клубе занятия по живописи? И какие книги следует выбрать в этом году для книжного клуба, когда он снова заработает в сентябре? В «ЖеСГ» (Женщины Сикамор-Глен) Карен была «кроликом энерджайзером».

– Думаешь, твоя подруга захочет прийти в книжный клуб? – Карен кивком головы указала на Дженси, которая как раз читала книгу.

– Ну, она просто погостить приехала.

– Понятно, – откликнулась Карен, но бросила на Брайт взгляд, который говорил: она ответила слишком увлеченно. Карен с пятидесяти шагов могла учуять любопытную историю, и, если Брайт не будет осторожна, Карен до всего докопается. Не хватало только делиться с кем-то историей их

сложных отношений с Дженси.

Брайт взглянул на часы на стене клуба.

– Ух ты, мне пора бежать!

– Но я же только приехала! – возразила Карен. – Ты не можешь меня бросить! – Она скорчила несчастную мину и начала игриво дергать подругу за руку.

– Я бы осталась, честное слово, но пообещала Миртл Ханикэтт выгулять Ригби.

– Слишком жарко, чтобы выгуливать собаку! – возразила Карен с законным возмущением.

– Мы будем много пить и не уйдем далеко, мамочка, – ухмыльнулась ей Брайт. – Кроме того, если я его не выгуляю, Миртл попытается сама. – Она пожала плечами. – Это стало у нас в порядке вещей.

Карен игриво ударила ее в плечо.

– Ты, моя дорогая, слишком мила с людьми.

Помахав на прощание, Брайт извлекла Кристофера из бассейна. Собирая свои вещи, она еще раз взглянула на Дженси, поймала ее взгляд и помахала ей в ответ, жалея, что не может задать ей миллион вопросов и что годы превратили их в чужих друг другу людей.

Кейли

У нас с Каттером был летний распорядок дня. Мы вставали, я готовила ему какой-нибудь завтрак. Обычно это были хлопья: мама не любила, чтобы я пользовалась плитой, когда она на работе. Но иногда я готовила ему тосты, потому что мне разрешалось пользоваться тостером. Когда маме давали зарплату, она покупала нам «Поп-тартс»⁴, пускай они очень вредные и их не следует есть. Но так бывало только раз в месяц, поэтому мама разрешала.

После завтрака мы занимались домашними делами. Я мыла посуду, а Каттер подметал пол, хотя по большей части он просто стучал щеткой об пол, пока я не говорила ему перестать. Потом мы пылесосили или драили ванную, или делали еще что-нибудь, чтобы дом внутри выглядел получше. Когда мы только въехали, я вышла на улицу и огляделась в поисках чего-нибудь, что помогло бы сделать дом красивым снаружи, но у меня не было денег на краску, цветы или что-то в этом роде, поэтому я решила сосредоточиться на том, что внутри. Я научилась очень быстро проходить к дому, чтобы не видеть, насколько он уродлив снаружи.

Я знала, что люди говорят о нашем доме. Я слышала разговоры у бассейна, когда остальные думали, что я не заме-

⁴ Популярное американское печенье, в котором сладкая двухслойная начинка обернута тонким слоем печеного теста.

чаю. Они называли его «бельмом на глазу» и говорили, что *такому* дому в их поселке не место. По правде говоря, когда я впервые его увидела, и у меня возникла подобная мысль. Проезжая мимо разных красивых домов, я надеялась, что на сей раз все получится по-другому, и у нас будет лучшая жизнь, о которой всегда мечтала мама. Но этому не суждено было случиться. Вместо этого нам пришлось войти в дом, на который люди смотрели как на черный зуб посреди жемчужно-белых.

Вероятно, когда-то наш дом был серым, но теперь он выглядел белесым, так как большая часть краски слезла. Он был практически бесцветным. Кусты (если их так можно назвать, ведь они теперь больше походили на деревья) выросли такими высокими, что закрыли половину окон в передней части дома. Зато, если не считать разросшихся кустов, в палисаднике не было никаких деревьев. Тут росла лишь чахлая трава, или не росла совсем. И в довершение всего – кое-где отсутствовали ставни, и почтовый ящик кренился так, словно вот-вот упадет.

Соседи ненавидели этот дом и хотели, чтобы его снесли. И они не слишком обрадовались новости, что мы в нем поселились: если его перестанут снимать, его *можно* будет снести. Люди у бассейна много чего говорили про тех, кто снимает этот дом. Они говорили, что мы белое отребье, а еще они как будто слышали, что наш с Каттером отец в тюрьме. (Но тут они ошибались. Отец Каттера действительно сидел в

тюреме. А у меня нет папы. По крайней мере, я ни разу его не видела.) Наши новые соседи невзлюбили нас, хотя даже не познакомились с нами, ни разу не пришли в гости с запеканкой и не представились, как это делают по телевизору. Табличка на входе в бассейн гласила:

МЫ ТУТ ВСЕ ОДНА БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Это неправда.

Я пыталась рассказать маме о слухах, но мама ответила, что это лучшая для нас жизнь и что нам просто нужно научиться ладить со всеми. Она велела мне не подслушивать, если это меня так расстраивает.

– Моя маленькая пронира, – сказала она, взъерошив мне волосы. – Это хорошее место.

Но еще она велела держать дверь на замке и раз сто напомнила не разговаривать с незнакомцами. Накануне нашего переезда по соседству пропала девочка, и моя мама сильно испугалась. А поскольку все наши соседи были незнакомцами и, казалось, не стремились исправить ситуацию, мы вообще ни с кем не разговаривали.

Закончив работу по дому, мы садились за чтение. Я взяла себе за правило: ежедневно читать по тридцать минут. Мама, когда могла, водила нас в библиотеку, чтобы у нас были разнообразные книги. Я набирала столько, сколько могла унести в руках, и мама всегда говорила, что это слишком много,

а я ей обещала прочитать все книги до единой. И делала это. Каттер предпочитал книжки с картинками. Я говорила ему, что надо брать книги потруднее, но Каттер не любил читать. Иногда, когда наступало время чтения, он спорил со мной и говорил, что не будет этого делать. А я отвечала: если не будет читать, то и телевизора ему не видать. Он знал, что я не шучу. Поэтому уходил к себе в комнату и рассматривал картинки, что меня вполне устраивало, потому что целых тридцать минут я могла сидеть у себя в комнате – без пристававшего ко мне Каттера.

Кое-что в новом доме было хорошо: у каждого из нас была своя комната. В нашей старой квартире мы с Каттером спали в спальне, а мама – на раскладном диване в гостиной. Иногда с ней на раскладном диване спал ее бойфренд Джо, и, если мне нужно было что-то на кухне, мне приходилось проходить мимо него спящего. Мне не нравилось, как он заполнял наш дом своим маслянистым мужским запахом. Я обрадовалась, когда Джо исчез. Самое лучшее в доме в Сикамор-Глен (пусть он и «бельмо на глазу»), что тут нет Джо.

Когда заканчивалось время чтения, мы включали телевизор. Мы чередовали дни, по очереди выбирали, что будем смотреть. Каттеру нравились программы про животных, а мне – реалити-шоу. Мы оба были счастливы, если показывали реалити-шоу с животными, как те, где ловят диких животных, которые забредают в дома, или те, где люди борются с аллигаторами. Иногда мы просто смотрели мультики.

Наш провайдер допустил ошибку и подключил нам больше каналов, чем мы подписывались, поэтому выбор впечатлял: столько каналов у нас никогда не было. Я сказала маме, что мы, наверное, должны сказать им об ошибке, но мама ответила: то, чего они не знают, им не повредит, иногда все просто складывается в нашу пользу. Но по моему опыту жизнь работает не так. Когда я ей об этом сказала, она расхохоталась и не могла остановиться. Мне нравится, когда мама смеется.

После телевизионного времени – время снова поесть. Мама говорила, что мы с Каттером просто машины по уничтожению продуктов, поэтому я старалась есть поменьше. Но Каттер о таком не думал. Он жадно поглощал еду, даже не заморачиваясь, какую именно. Мама шутила, что у него дыра в желудке. За ланчем я заставила его съесть немного фруктов, пусть даже это был консервированный фруктовый коктейль. Иногда к сэндвичам у нас прилагались чипсы, изредка – печенье. Я люблю домашнее печенье с шоколадной крошкой, но мы ели его только в том случае, если у мамы появлялось настроение его испечь, чего почти не случалось: она очень уставала на работе. По будням она была на одной работе, по выходным – на другой, так что работала она почти все время. Мама объясняла нам: чтобы у нас была такая жизнь, как сейчас, это необходимо. Иногда, когда я видела людей с их шикарными машинами и красивыми домами, я задавалась вопросом: а на скольких же работах приходится работать им,

чтобы иметь такую жизнь?

После ланча, наконец, наступает время идти в бассейн. Каттер не слишком хороший пловец, поэтому я не пускаю его туда как можно дольше, даже несмотря на его нытье и просьбы, начинающиеся с самого утра. Когда он в воде, я нервничаю: мне трудно наблюдать за ним. Я знаю, что там есть спасатель, который может спасти его, если он начнет тонуть, но ведь это я отвечаю за Каттера. Так каждый вечер говорила мама, когда целовала меня на ночь. Она всегда повторяла: «Когда вы проснетесь, меня уже не будет. Веди себя хорошо, будь умницей и береги брата». А потом она добавляла: «Я люблю вас больше жизни». И хотя она не могла быть дома так помногу, как мне бы того хотелось, я знала: ее слова искренни.

Мне не нравилось, когда люди говорили дурно о моей матери. Ее бывший бойфренд Джо, например, наговорил про нее много гадостей, а также про нас с Каттером. Он был не слишком добр к ней, а тем вечером, когда наболтал всякого ужасного, я обняла ее и сказала, чтобы она его не слушала. Мне было стыдно, потому что Джо поймал меня в тот момент, когда я рылась в его бумажнике, – это и стало причиной их ссоры. Но она убеждала меня, что это не моя вина, хотя я не должна совать нос в чужие дела. (Я все еще этому учусь.) Мама обняла меня и заставила пообещать, что я вырасту и буду жить лучше, чем она. Она не переставала плакать, пока я не поклялась ей в этом. Беда была в том, что я

не знала, как получить ту самую «лучшую жизнь», или что, вообще, мама имела в виду.

У бассейна чужие мамы и папы не разговаривали со мной и Каттером. Да я и не ожидала этого. Они же были родителями, а родители обычно не разговаривают с детьми, если это не их собственные. Но дело было не только в молчании. Они смотрели на нас так, словно мы были песком, попавшим им в купальники. Когда я рассказала маме, она ответила: «Так не ходи туда, Кейли». Голос у нее при этом был усталый, таким тоном она говорила мне, мол, просто брось, забудь.

Но, даже несмотря на то, что Каттер не слишком хорошо плавал и люди нас игнорировали, мне нравилось туда ходить. Мне нравились вода, солнечный свет и смех. И пусть даже мы не разговаривали – то есть я и Каттер были по одну сторону, а мамы с детьми – по другую, мы были там все вместе. Это был наш бассейн. И поэтому мы с Каттером ходили туда каждый день после ланча. Пешком проделывали долгий путь туда, плавали, а после долго шли обратно домой. На следующий день повторяли снова. И я считала, что именно так мы проведем мое одиннадцатое лето и шестое лето Каттера. Конечно, я ошибалась.

Дженси

Их распорядок дня превратился в рутину, каждый день почти в точности повторял предыдущий. Дженси пристрастилась гулять после ужина, оставляя дочек играть в карты с матерью на застекленной веранде, пока день подходил к концу и появлялись первые светлячки. Девочкам нравилось проводить время с бабушкой. Дженси смотрела, как они горбятся над своими картами за шатким столиком, который они поставили на террасе. Пилар любила побеждать. Заре нравилось чувство сопричастности. А ее мать как будто была просто в восторге, что проводит время с внучками, и вечер за вечером терпеливо объясняла правила «подкидного», «румми», «пиков» и «сумасшедших восьмерок».

Каждый вечер Дженси говорила себе, что останется и поиграет с ними, но каждый вечер, когда ужин заканчивался, а с ним и очередной день, она чувствовала, как ее тянет прочь из клетки дома и семьи, словно какой-то магнит в груди тащил ее обратно на улицы ее юности. Она бродила по этим улицам в поисках забытого детства, того, что было в нем хорошего, пока не начали появляться бумажные сердечки.

Уезжая в восемнадцать лет, она отчаянно стремилась забыть это место. Теперь она заставляла себя вспомнить – чтобы попытаться забыть недавнее прошлое. Гуляя, она спрашивала себя: «...Кажется, вот этот дом был серый? А из это-

го всегда пахло карри? Как звали девушку, которая жила в том желтом доме, ту, которая безумно любила лошадей? А это тот самый дом, который всегда так странно украшали на Хеллоуин? Интересно, живут ли там все те же люди, сидит ли на крыльце женщина, одетая ведьмой, и пугает ли она детей?»

Она узнает в октябре, если еще останется в поселке. Но маловероятно, что она останется. Она иссохнет, и ее унесет ветром – как листья... Она тоже станет хрустящей, коричневой и безжизненной. Она должна найти выход. Она говорила себе, что приехала лишь погостить, якобы это остановка на пути куда-то еще. Но куда? Она понятия не имела. Впервые в жизни у нее не было плана. Даже когда она бежала отсюда, у нее был план действий, который выкристаллизовался, пока они с отцом ехали на север.

Ей потребовалось больше недели, чтобы набраться храбрости и выяснить, на месте ли убежище. Она пошла по тропинке вокруг местного озера, убеждая себя, что ей не нужно с нее сходить, обещая себе, что ответвляющейся тропки, скорее всего, уже нет. Это было так давно. Мир меняется, прогресс пришел даже в эти места, о которых время словно бы позабыло. Ее путь вдоль озера ничем не отличается от обычной вечерней прогулки, рассуждала она. Но глаза уже предавали ее, с какой-то надеждой обшаривая траву в поисках тропинки. Она вдруг сообразила, что ей нужно туда вернуться.

Тем вечером она чувствовала себя путешественницей во времени. С каждым шагом она становилась все ближе к той юной девушке, которой некогда была. И к ней вернулось и другое ощущение: будущее – это то, к чему нужно стремиться, что хорошие события и эмоции возможны. Тут, на этой утопанной тропинке, она была моложе, ярче, невиннее. Она еще не знает, что жизнь может оборваться с появлением черных внедорожников с агентами в темных костюмах и солнцезащитных очках, что кто-то, кого ты любишь, может лгать тебе так полно, что все, ради чего ты трудилась, может превратиться в дым, точно кто-то чиркнул спичкой и поджег все это.

Сходя с проторенной тропы на менее утопанную, которая начиналась именно там, где она помнила, Дженси снова почувствовала себя особенной. Она была девушкой, способной на все. Предпоследний класс, и ее выбрали в совет школы, а потом – как бы ни было это невероятно – королевой бала. Она снова стала той девушкой, которая еще не знала, что на следующий день начнут появляться сердечки. Это тропа была ее зазеркалем, ее платяным шкафом, ее дорогой из желтого кирпича.

Дженси продиралась сквозь кусты и ежевику, колючки и шипы силились ужалить ее голени и лодыжки, но она почти не замечала боли. Забираясь все глубже в лес, она осматривала каждый уголок. Когда начали закрадываться сомнения, а безопасно ли тут, она их прогнала, полностью погру-

жившись в воспоминания о прошлых вылазках сюда; о том, каково быть тут, о том, с кем она тут встречалась, и о том, что они говорили друг другу. То были мечты и шепотки, ссоры и компромиссы, правда и ложь. Тогда она была самой собой с ним. Но было ли то тенью ее настоящего Я или более осмысленная версия? Прибавляет ли жизнь что-то к тому, чем мы являемся в шестнадцать лет, или отнимает?

Тропинка привела ее к округлой полянке, где деревья по периметру встретили ее, как старые друзья, их ветви махали ей, как будто они все эти годы ждали ее неизбежного возвращения. Дуновение легкого ветерка в их ветвях прозвучало вздохом облегчения. Она проскользнула между стволов, чтобы вступить в иной мир, в мирок убежища, куда она когда-то столько раз сбегала. Они утверждали, дескать, это их мир, ее и Ивретта. Он существовал только для них, и, что бы ни случилось, они всегда могли вернуться сюда, тут спрятаться. Дженси покрутилась на месте, обхватив себя руками, и запрокинула голову посмотреть на клочок неба, видимый из центра, остальное же скрывали листья.

Именно за это они любили это место – за то, что чувствовали себя тут как в потайном коконе. В то время, когда у них не было собственного пространства, именно в этом они нуждались: убежище, чтобы ускользнуть из поля зрения, затаиться и исчезнуть вместе. В этом пространстве они могли делать (и делали) все, что хотели. Она столько раз лгала своим родителям. Дескать, она идет к Брайт, в кино, на вече-

ринку, в библиотеку. Но приходила она сюда. Только в этом месте она всегда, всегда, всегда чувствовала себя в безопасности. А потом безопасности уже не было нигде.

Дженси поежилась в сгущающейся темноте, к ней вернулся здравый смысл, и она потянулась в карман за телефоном – просто для уверенности. Подняла его повыше, чтобы проверить сигнал, и подумала о новостях, которые видела по телевизору, – кухонный телевизор у матери работал весь день. Передавали интервью с детективом, возглавляющим следствие по делу об исчезновении маленькой девочки по соседству. Дженси тогда уставилась в телевизор с тревогой матери, пока не сообразила, что обе ее дочери тут и смотрят ту же программу, а их глаза округлились от ужаса. Пиларглянула на мать, точно хотела спросить, почему та привезла их в такое место, где пропадают маленькие девочки. Дженси поскорей выключила телевизор, несмотря на протесты матери, что сейчас будет прогноз погоды.

Теперь, стоя посреди леса в быстро сгущающихся сумерках, она вдруг поняла, что отважилась зайти слишком далеко. Если она закричит, ее никто не услышит. В этих лесах может бродить кто угодно. Обхватив себя руками, она прислушалась, выискивая опасность. Но слышала только ветер, голоса птиц и шелест ветвей. То, что случилось тогда, закончилось, ей больше нечего бояться. Она заставила себя постоять еще несколько секунд, а потом позволила себе уйти. Из леса она выходила гораздо быстрее, чем заходила в чащу.

Вернувшись домой, она обнаружила свою мать на веранде одну. Мать явно ее ждала, но старалась не подавать виду. Сложив руки на груди, Дженси стала ждать, что она скажет. Она видела беспокойство, скрыть которое матери не удавалось. Дженси сдерживалась, чтобы не озвучить рвущиеся из нее слова: «Я люблю тебя, и мне жаль, что я так долго отсутствовала».

– Ты в порядке? – спросила мать.

В свете голой лампочки, свисавшей с шаткого потолочного вентилятора, она увидела, что глаза матери наполнились слезами. Она сморгнула их, но было уже слишком поздно.

– Да все в порядке. – Дженси успокаивающе махнула рукой в воздухе.

– Ну, ты же знаешь, что можешь оставаться здесь столько, сколько тебе нужно. Можно даже записать девочек в школу. – Мать улыбнулась. – Я слышала, что школы здесь хорошие. – В конце фразы словно бы маячил вопросительный знак, как будто она спрашивала у Дженси, правду ли говорят. – Теперь, когда у меня нет детей такого возраста, я мало что знаю о школах. Конечно, не исключаю, что они могли испортиться. Вечно что-то меняют. И в новостях только о переменах каждый день и говорят.

– Я уверена, школы тут замечательные, мама. Брайт не переехала бы сюда, если бы они не были первоклассными.

Дженси вспомнила, как Брайт смотрела на сына – словно созерцала истинное чудо.

– Уж ты мне поверь, – добавила она со смехом.

– Так ты виделась с Брайт? – спросила мать, стараясь (безуспешно) взять небрежный тон.

– Да.

– Наверное, приятно было вам, девочкам, снова встретиться, – не унималась мать.

– Конечно. Мы немного поболтали у бассейна. – Дженси так не терпелось сменить тему, что она добавила: – Девочкам уж точно бассейн понравился. Благодаря ему три недели пролетели незаметно.

Мать попытку Дженси сменить тему проигнорировала:

– Ну разве не странно? Что она, теперь замужем за Ивреттом?

Дженси подумала о серьезном, настойчивом Ивретте, который умолял ее не уезжать, как будто он мог изменить все, что произошло, как будто ее отец еще не сидел за рулем машины, а ее вещи не были упакованы. Какое-то время даже Ивретт не знал, куда она уехала, потому что он мог ненароком выдать ее не тому человеку, а ведь этот «не тот человек» все больше смелел, становился все опаснее. Ей достаточно было взглянуть на Ивретта, чтобы получить подтверждение.

– Все в порядке, мама. Мы все повзрослели. Жизнь идет своим чередом. – В ее устах это прозвучало слишком уж просто.

Мать молчала, обдумывая услышанное. Дженси прислонилась головой к ноздреватому косяку и слушала, как сверч-

ки, цикады и древесные лягушки скрипят и квакают свою летнюю серенаду. В доме, где она жила раньше, не было звуков природы, по крайней мере, она их не помнила. Они сами их заглушали – своей стереосистемой, своим водопадом, своей искусственной атмосферой. Слушая звуки живой ночи, она подумала, что, возможно, пытаясь дать девочкам все необходимое, они с Арчем обманули их, лишили чего-то. Из дома донесся пронзительный крик, за которым последовал утробный смех.

– У них как будто все хорошо.

– Так и есть, – откликнулась Дженси слишком быстро. – У всех у нас все хорошо.

Мать потянула носом воздух, и Дженси стало интересно, какой запах она уловила. Дым от трубки отца? Запах углей от мангала в соседнем доме? Жасмина в висячей корзине, магнолии на заднем дворе или гардений в саду? Возможно, это был детский шампунь, которым все еще пользовалась ее младшая дочь, сама невинность в бутылках. Но она не спросила.

– Сомневаюсь, что у тебя появятся какие-то проблемы, – сказала мать.

– И я тоже, – согласилась Дженси.

– Я рада, что ты вернулась, – добавила мать неуверенно, почти осторожно. – Я думаю, пришло время.

Дженси чувствовала, что матери не по себе рядом с ней, и она сама испытывала схожее чувство. Они узнавали друг

друга заново, ведь за годы, проведенные врозь, они стали практически чужими. Они забыли, как находиться в обществе друг друга, поэтому их разговоры были неловкими, с подоплекой странного напряжения, которое, как надеялась Дженси, со временем пройдет.

Встав, мать начала собирать игральные карты, все еще разбросанные по столу. Дженси потянулась ей помочь, и ее рука легла на туза пик. Мать накрыла ее ладонь своей. Тыльная сторона ладони матери была испещрена старческими пятнами, которых не было, когда Дженси уезжала.

Они молча простояли всего мгновение, их глаза встретились, и во взгляде матери Дженси прочла, как ей показалось, обещание: она сохранит ее от беды. Все будет в порядке. Все то, что родители говорят ребенку. Дженси знала это: теперь она сама была матерью. Она тоже познала эту потребность защищать, а еще поняла: даже когда не можешь защитить своего ребенка, все равно клянешься, что сделаешь это.

Ланс

Лансу требовалось найти няню, иначе он потеряет работу. Надо перестать зависеть от этой соседки, Зелл. Она – как крестная фея, которая появляется в тот момент, когда он готов взорваться, и уводит детей в бассейн, чтобы он мог поработать несколько часов без перерыва.

Он схватил сумку с детскими вещами для бассейна: солнцезащитные крем и спрей, аккуратно свернутые полотенца, коробочка крекеров, мелочь для автомата с напитками. Это не он собрал сумку, а Зелл. Он задавался вопросом, а нельзя ли нанять ее, чтобы она навела порядок и в остальных сферах его жизни. Может быть, именно поэтому она нравилась Дебре. Теперь, когда жена ушла, он вспомнил, как часто Дебра упоминала Зелл, когда он не обращал внимания, потому что принимал все как должное. Тогда он почти не слушал свою жену. Он не знал, наверное, какую роль Зелл сыграла в жизни Дебры, и, конечно же, не мог спросить Дебру сейчас.

– Лайла, – позвал он, – пора идти!

Он хотел, чтобы дети ушли. Он хотел, чтобы в доме стало тихо. Он пообещал себе, что сегодня не будет работать. Он по-настоящему отдохнет. Посмотрит спорт по телику, неважно, какие показывают матчи, будет сидеть в трусах и пить пиво. Сегодня он не будет папой. Он не будет вскакивать, чтобы решить чью-то проблему. Он посидит на одном

месте дольше пяти минут кряду. На ланч он сварганит себе большой, неряшливый хот-дог и сожрет его на диване. Он обойдется без тарелки. Он будет рыгать и пердеть, и ему не придется извиняться за это, потому что на пару часов он перестанет быть примером для подражания. Он фантазировал о свободном времени почти так же, как когда-то фантазировал о сексе.

Кого он обманывает? Он все еще мечтает о сексе. Когда не валится с ног от усталости. Но фантазировал он не о Дебре. Просто не мог заставить себя это сделать. Это казалось неправильным. Все женщины, о которых он мечтал сейчас, всегда были безликими.

Дети появились из закутков, в которых они прятались, кривясь так, будто он на целый день отправляет их решать математические задачки.

– Ребята, вы готовы? – спросил он, хлопая в ладоши и не обращая внимания на явное недовольство детей.

Лайла и Алек мрачно кивнули.

– Ну ладно, Зелл сказала, чтобы вы шли к ней, когда будете готовы!

Он открыл дверь, и в лицо ему ударил порыв горячего ветра. Вслед за ранней весной пришли неумолимый летний зной и влажность, к которым он так и не привык; Ланс был бы не прочь оставить их, если бы ему представилась возможность вернуться в Огайо – план, который он недавно обсуждал со своей сестрой. Сестра считала это хорошей идеей,

учитывая обстоятельства, и он почти согласился.

– Веселитесь, ребята! – сказал он, махнув рукой в сторону дома Зелл.

Дети послушно засеменяли за дверь. Когда Лайла проходила мимо него, он накинул сумку на ее широкие плечи, не обращая внимания на то, как они подались вперед. Для детей тоже все было ужасно. И эти летние каникулы, вероятно, совсем не казались каникулами. Он старался не думать об их чувствах. А что он мог бы изменить? Дебра ушла, и он изо всех сил держался без нее. Он делал что мог. Это стало его мантрой.

Закрыв за детьми дверь, он постоял, оглядывая мирный дом, впитывая тишину как наркотик. Он стоял совершенно неподвижно, просто дышал. Обычно, когда Зелл забирает детей, он разгонялся, суетился, стирал и мыл посуду, разбирался со счетами и старался как можно больше сделать по работе. Он работал, когда следовало бы есть, спать, принимать душ. Тратить время было декадентством, расточительством, такой же роскошью, как тот курорт, куда Дебра убедила его поехать с ней много лет назад. Это казалось... эгоистичным. Но сейчас он не будет об этом думать. Он будет наслаждаться.

Стоя в дверях кухни, он наблюдал, как Зелл усаживает Лайлу и Алека в машину. Он спрятался за косяком, когда двигатель автомобиля с жужжанием пришел в движение и зажегся свет. Он стоял, застыв на месте, пока машина и его

дети не исчезли, чувствуя себя виноватым при мысли о словах Алека. Услышав, что не Ланс, а Зелл отвезет их сегодня в бассейн, сын сказал:

– Ты больше никогда не веселишься с нами, папа.

Он резко ответил, чтобы тот перестань ныть, а ведь сын говорил правду. Лансу уже никогда больше не веселиться. И точка. Он бросил тоскливый взгляд на телевизор и холодильник с шестью упаковками пива, купленными специально для этого случая. Со вздохом поражения он направился наверх, чтобы переодеться в плавки, но пиво прихватил с собой.

Брайт

Она держала Кристофера за руку, когда вела его к бассейну, едва слушая его болтовню про уток на озере и облака в небе. Вместо этого Брайт пыталась незаметно наблюдать за Дженси. Дочки Дженси играли с другой девочкой, и все трое убегали от брата третьей девочки всякий раз, когда он подходил к ним. Дженси, которая, казалось, не замечала детского визга, читала журнал «Пипл» в шезлонге.

Брайт помогла Кристоферу спуститься в бассейн и с тоской посмотрела в сторону своей старой подруги, слишком поздно отведя взгляд: Дженси неожиданно подняла глаза от журнала. Почувствовав, что ее поймали, она подняла руку в знак приветствия, как будто все это время хотела привлечь внимание Дженси.

– Я так и думала, что это ты! – воскликнула она слишком громко и взволнованно.

Пока они росли, она всегда была неловкой девочкой, вечным довеском, стремящимся подладиться под шаг Дженси. Забавно, как молниеносно она скатилась к детской неуклюжести. Она жалела, что тут нет никого из приятельниц – подруг, которых теперь знала только она одна, но, похоже, пасмурное небо заставило их остаться дома.

Дженси помахала в ответ и вернулась к чтению журнала, а Брайт, разочарованная, сосредоточилась на сыне и заняла

отведенное ей место на прогретом бетонном бортике, тепло которого проникало сквозь купальник. Она разговаривала с Кристофером, подбадривала его в попытках уйти с головой под воду и изо всех сил старалась не оглядываться на Дженси, которая, дочитав журнал, закрыла глаза и, казалось, задремала.

Брайт было скучно, ее мысли лениво вернулись к электронному письму, которое она получила сегодня утром от своего бывшего босса, с пометкой «Срочно»; ее просили прийти на встречу в честь возвращения на работу. Через несколько минут, согласно отметке времени, она получила еще одно электронное письмо от коллеги, которая буквально умоляла ее вернуться:

Тут без тебя все не так! Мы по тебе скучаем! Ты нужна нам!

И пусть ей было приятно оказаться нужной, она не знала, хочет ли возвращаться. Она сомневалась, что сможет снова увлечься продажей курсов по разным технологиям компаниям из списка «Форчен 500». И все же возвращение к работе поможет покончить с разговорами о втором ребенке, хотя бы временно.

– Ой! – вырвалось у Дженси, когда ее пятая точка соприкоснулась с горячим бетоном. Это восклицание вырвало Брайт из мысленных дебатов.

Брайт одарила ее приветливой улыбкой, радуясь возможности отвлечься.

– Привет, – сказала она.

– Я бы сказала тебе, что мне приходилось делать то же самое, когда мои были маленькими, но по большей части в тот период материнства мне кто-нибудь помогал. – Дженси кивнула в сторону мелководья и Кристофера в надувных на-рукавниках.

– Тебе повезло, – сказала Брайт, хотя на самом деле так не считала.

Как бы это ни было утомительно, она хотела пережить каждое мгновение со своим единственным ребенком. Потому что он останется их единственным ребенком, если только ей удастся сообразить, как заставить Ивретта это понять. Возвращение на работу – отличный предлог, чтобы избежать дискуссий.

– Мам, когда нам с Лайлой можно переночевать? – подбежала спросить, задыхаясь от бега, старшая дочка Дженси. Ее звали Пилар. Младшую звали Зара. В детстве Дженси и Брайт придумывали имена для детей. Насколько помнила Брайт, ни Пилар, ни Зары в списке Дженси не значилось. Но, с другой стороны, в списке Брайт не было Кристофера.

– Мы поговорим об этом позже, – терпеливо и участливо сказала Дженси в присутствии Брайт.

– Но, мама, Лайла хочет.

Пилар была неумолима, что и следовало ожидать, учитывая, кто ее мать. Но Пилар внешне не походила на Дженси. Брайт предположила, что она похожа на отца – его звали

Арчер, сокращенно Арч. Это имя так подходило мужчине, который женился бы на Дженси, что Брайт рассмеялась, когда прочитала объявление о свадьбе, прикрепленное к холодильнику ее родителей. Брайт была уверена: этот брак означал, что Дженси никогда не вернется в Сикамор-Глен. В то время эта мысль принесла ей облегчение. И все же она сидела рядом с Дженси на краю того самого бассейна, где они детьми играли в «Марко Поло», и Брайт вслепую нашаривала руку Дженси, пока ждала услышать «Поло» в ответ на свое «Марко».

– Я уверена, что хочет, и мы об этом поговорим, – настояла Дженси, и в ее голос вкралась нотка резкости. – Но сегодня мы больше обсуждать это не будем.

Пилар повернулась на пятках и, ворча, зашагала обратно к подруге. Обе девочки заняли свои места в очереди на трамплин позади маленького мальчика, при виде которого Брайт всегда становилось не по себе. Она взяла в привычку присматривать за ним, когда они приходили сюда с Кристофером. Он плохо умел плавать, и с ним никогда не было родителей. У него была старшая сестра, которая обычно за ним присматривала, но ее как будто затянуло в орбиту Пилар и Зары. Брайт помнила это чувство, помнила, насколько сильным может быть такое притяжение.

Когда Пилар ушла, Дженси снова повернулась к ней.

– Извини, что пришлось такое выслушивать, – сказала она.

– Да без проблем, – откликнулась Брайт.

Кристофер устал плавать и повис на ее ногах. Она водила ими вверх и вниз по воде, качая сына. Это был единственный вид фитнеса, которым она могла заняться в последнее время. Если она вернется на работу, то сможет использовать свой обеденный перерыв, чтобы ходить в спортзал, как раньше.

Они с Дженси снова погрузились в молчание, наблюдая, как Кристофер покачивается взад и вперед на воде и его маленькое личико расплывается в улыбке.

– Он очень милый, – вслух размышляла Дженси. Ее замечание словно бы звенело невысказанными словами. Это же сын не только Брайт, но и Ивретта.

Смогут ли они когда-нибудь поговорить о том, что произошло после отъезда Дженси? С одной стороны, Брайт хотелось самой завести разговор, покончить со всем. А с другой, ей вообще не хотелось говорить про себя и Ивретта, ведь тогда пришлось бы говорить и о Дженси с Ивреттом, а о таком она не любила вспоминать даже спустя годы.

– Он хороший малыш, – только и ответила Брайт.

Похлопав ее по руке, Дженси собралась встать.

– Неприятно тебе это говорить, но он уже не младенец.

Брайт подняла взгляд.

– Говоришь совсем как Ивретт, – произнесла она, и имя против воли сорвалось у нее с языка. Разговора об Ивретте не избежать. В конце концов, им обоим придется признать его существование. Это было между ними, так же очевидно,

как ребенок, висящий на ее ногах.

– Он прав, – откликнулась Дженси и пожала плечами. Она повернулась к Заре на трамплине и громко хлопнула в ладоши. – Ну же, Зара, давай посмотрим! Дай нам кувырок! – крикнула она.

Зара на трамплине постаралась утихомирить мать.

– Ну, ма-ам! – пропела она и совершила вежливый, незаметный прыжок в глубокий бассейн.

Следом прыгнул маленький мальчик, не сводивший глаз с сестры. Но та не поворачивалась. С бурными похвалами она помогала Заре выбраться из воды.

– Мне от мальчика не по себе, – сказала Брайт Дженси. Вытянув Кристофера на бортик, она помогла ему встать, потом встала сама.

– Но почему? – спросила Дженси.

Взяв Кристофера за руку, Брайт притянула его поближе к себе, как будто, защищая его, могла опосредованно оберегать и того мальчика.

– Только посмотри на него. – Она указала пальцем.

Две женщины наблюдали, как мальчик спрыгнул с трамплина, ушел под воду и исчез из виду на несколько секунд. Брайт затаила дыхание, да и Дженси тоже. Она почувствовала, как рука Дженси потянулась к ее предплечью. Ее ногти, выкрашенные в розовый цвет, какой выбрала бы девочка, впились в ее кожу, когда Брайт подалась вперед. Вместе они силой мысли пытались заставить мальчика подняться.

ся на поверхность. Когда он, наконец, вынырнул, то плескался и отплевывал воду, размахивая руками. Их взгляды разом скользнули к мужчине-спасателю; он разговаривал с великолепной блондинкой-спасательницей и вообще не обращал внимания на то, что творится у трамплина.

– Мы должны что-то сделать? – спросила Дженси.

– Нет, смотри, – сказала Брайт, кивая на мальчика, который с трудом снова добрался до бортика. Но на сей раз сестры, которая помогла бы ему выбраться из воды, там не оказалось.

– У меня сердце просто зашло! – Дженси схватилась за грудь. – После такого нужно выпить! – Она сделала вид, будто смотрит на несуществующие часы. – Разве еще нет пяти?

И обе они смеялись, пока Брайт вела Кристофера туда, где лежала ее сумка с припасами. Она прихватила для него пакет сока и крекеры. Вскрыв коробку, она взяла горсть себе, потом протянула ее Дженси.

– А, какого черта! – рассмеялась Дженси и зачерпнула горсть.

Брайт спросила себя, не напоминает ли их вкус ей о детстве.

– Пришла бы сегодня на ужин, что ли, – сказала Брайт с полным ртом.

Это был порыв, но она не пожалела о сорвавшихся с языка словах. Она хотела, чтобы Дженси вернулась в ее жизнь, в ту жизнь, какая была у нее теперь. Она хотела, чтобы та

увидела, как все обернулось. И, возможно, выпив немного, Дженси расскажет подробности того, что привело ее сюда. Брайт слушала, как ее старая подруга принимает приглашение, строя планы и стараясь не думать, что скажет Ивретт.

Зелл

Кто-то окликнул Зелл по имени и тем самым помешал ей подслушать разговор Дженси и Брайт. Подслушивать она так и не научилась. Чувствуя себя виноватой, она обернулась и увидела, что к ней идет Ланс. Она была рада видеть его, пусть даже сама уговаривала его отдохнуть от детей. Господь знает, как ему это нужно. Иногда, когда она вставала посреди ночи, чтобы попить воды после одного из своих приливов, она видела свет в его окнах, понимала, что он работает, пока дети спят. Без жены бедолага с ног сбивался.

– Поверить не могу, что ты пришел! – воскликнула она, по большей части позабыв про вину.

Он застенчиво ей улыбнулся. Она увидела, как другие матери повернулись посмотреть на затесавшегося среди них мужчину, на очень даже симпатичного мужчину. Она была старше их всех, но она же не слепая.

– Ну, почувствовал себя виноватым, – сказал он. – То есть если у меня есть свободное время, то его следует проводить с детьми.

– Знаю, они будут рады тебя видеть. – Она улыбнулась в ответ на его улыбку и крикнула детям: – Лайла! Алек! Смотрите, кто пришел!

Алек провел последний час, донимая старшего спасателя, – засыпал его вопросами о химикатах, которые раство-

ряются в воде, и клянчил помочь ему с изучением образцов, взятых из бассейна. За несколько недель, прошедших с момента открытия бассейна, Лайла стала неразлучна с девочками Джесси Сейбот, и вся троица перемещалась теперь тесной группкой. Сегодня они приняли в свои ряды «потеряшку» – ту маленькую девочку, которая обычно нервно держалась особняком.

Оба ребенка оторвались от своих занятий и бросились к отцу, их лица расплылись в благодарных улыбках.

– Папа! – кричали они хором, забыв, что они слишком «крутые», чтобы называть его так. Он обнял обоих, и они рассказали ему о том, чем тут занимались, а Зелл смотрела на них с гордостью.

– Они хорошо проводят время, – сказала Зелл. Ей было приятно стать частью чего-то, но Лайла бросила на нее обиженный взгляд: якобы Зелл влезла не в свое дело. Иногда, когда Лайла смотрела на нее, ей казалось, что девочка знает правду, хотя это никак невозможно. Зелл увидела шрам на тонкой, как карандаш, ноге Лайлы, навсегда белый на фоне загорелой кожи, и вспомнила тот день, когда он появился. Так все и началось.

Лайла повернулась к дочкам Дженси, чтобы представить их отцу.

– Это мои подруги Пилар и Зара. – Она махнула им, две девочки захихикали и замахали в ответ, но третья, та, которую только сегодня включили в круг подружек, стояла мол-

ча, всеми забытая. Сердце Зелл потянулось к ней.

– Приятно познакомиться, – сказал Ланс официальным тоном, переступая с ноги на ногу и оглядывая бассейн, возможно, задаваясь вопросом, почему сюда пришел и где ему полагается быть.

– Подбросишь меня, папа? – спросил Алек. Его голос перед девочками становился хриловатым, тон – сдержанным.

– Конечно, приятель, – откликнулся Ланс. На его лице отразилось облегчение: наконец-то появилось занятие. Он улыбнулся Зелл.

– Спасибо, – сказал он ей и только потом позволил Алеку увести себя прочь.

Зелл попыталась поймать взгляд другой маленькой девочки, ободряюще ей улыбнуться. Но та отвернулась слишком быстро, собираясь последовать за другими детьми; она вся сосредоточилась на том, чтобы идти в ногу с ними, спешно подстраивая свои шаги под их.

Дженси

Дженси поспешила назад к своему шезлонгу, про себя кипя от ярости на собственную глупую ошибку. Поправив полотенце, она растянулась в шезлонге. О чем она думала, соглашаясь на приглашение Брайт! Может, ее охватила ностальгия, она растеряла решимость, размякла на жаре. Ей совсем ни к чему завязывать какие бы то ни было отношения, а уж тем более с некогда лучшей подругой и первой любовью, которые теперь женаты и живут в том самом поселке, где они все трое выросли.

Она была не в том состоянии, чтобы снова встретиться с Ивреттом, не говоря уже о том, чтобы сделать это в присутствии его жены и сына. Ей и без того хватает проблем, зачем дополнительный стресс? У ее психотерапевта (когда он у нее еще был в Новом Ханаане) припадок случился бы. Конечно, терапевты были роскошью из прошлого. Какая ирония, что теперь, когда у нее появились настоящие, реальные проблемы, она больше не может позволить себе психотерапевта. Конечно, ее родители помогли бы ей оплатить его услуги, если бы она действительно в нем нуждалась, но просить об этом означало признать, что ей нужна помощь – как финансовая, так и моральная. А ни в том, ни в другом признаваться неприятно.

Она наблюдала, как по ту сторону бассейна Брайт кормит

Кристофера кусочками яблока, улыбаясь, как женщина, которая ухватила мир за хвост. Щурясь (солнцезащитные очки она забыла дома), Дженси изучала бывшую подругу, вновь удивляясь тому, какой она стала красивой. Исчезла неловкая неуверенность, которая раньше была характерной чертой Брайт. Она уступила место сиянию, исходившему изнутри, как будто та внутренняя красота, о которой люди говорили применительно к Брайт, наконец, вышла наружу.

Когда они были подругами, она часто говорила Брайт, что та хорошенькая, уверяла ее, что, хотя у нее плоская грудь и очки с толстыми стеклами, у нее все еще есть много хороших качеств. Но в основном она просто пыталась утешить Брайт, и они обе это понимали. Дженси считала, что Брайт всегда будет на положении второй. Но что-то изменилось. Из Велмы в мультфильмах «Скуби-Ду» Брайт превратилась в Одри Хепберн. Маленькая оснадеживающая ложь Дженси сбылась: Брайт стала сама собой.

Старые подруги или нет, но Дженси не хотела знакомиться с Брайт и ее идиллическим существованием. Только не сейчас, когда ее собственная жизнь пошла под откос. Она способна порадоваться за подругу, и не становясь свидетельницей ее счастья. Ей нужно придумать предлог, чтобы отвертеться от совместного вечера, и поскорей. Маленький мальчик плакал, он, вероятно, устал, хотел спать. Перед уходом она возьмет у Брайт номер телефона, а потом трусливо напишет эсэмэску, что ей очень жаль и все такое. Конечно, слыш-

ком уж по-ребячески получится, но это сработает.

Встав, она поспешила назад, чтобы перехватить Брайт, прежде чем та исчезнет и не оставит Дженси иного выбора, кроме как явиться по адресу, который Брайт с энтузиазмом отбарабанила.

– Раньше это был дом учителя фортепьяно. Помнишь? Мы всегда слышали музыку, когда проходили мимо, помнишь?

Дженси кивнула. Она хорошо помнила это строение: белое, двухэтажное, с черными ставнями и верандой, очень похожее на другие дома в этом поселке, – не большое, но и не маленькое, как раз для поселка среднего класса, который они все называли своим домом.

– В семь! – весело сказала Брайт. – Увидимся! – крикнула она, убегая и оставляя Дженси чувствовать, как сожаление проносится по ее венам.

В семь часов она обычно готовилась к вечерней прогулке. В семь часов она все еще обещала себе, что не окажется в убежище с наступлением темноты, играя в игру «Вспомни, как...». Прощлым вечером она слышала треск веток, как будто кто-то ходил вокруг, кто-то, кто также пришел в этот лес. Она притаилась, пока звуки не исчезли, а затем выскочила из убежища и почти всю дорогу домой бежала бегом; плохие воспоминания преследовали ее по пятам.

Теперь она почти так же быстро бежала к Брайт, чтобы застать ее, пока та не ушла, и ничего, кроме нее, не видела. Вот

почему она врезалась в мужчину, которого заметила раньше. Он был красив, как бывают красивые отцы, на тот лад, на который Арч так и не поддался. Когда-то она гордилась тем, как Арч оставался, несомненно, «Арчем», не позволяя наложить на себя флер одомашненности, который словно бы затягивал большинство мужчин, кого она знала. И все же теперь можно решить, что это обернулось против них. Может, как раз сдавшийся на милость женщины мужчина и заслуживает доверия.

– Ох, простите! – извинилась она, постаравшись восстановить равновесие и ухватившись за его руку, чтобы инерция столкновения не сбила с ног их обоих.

Он отступил назад, глядя на нее сверху вниз со смесью веселья и растерянности.

– Все в порядке, – сказал он со смущенным видом, хотя вся его вина заключалась в том, что он случайно очутился у нее на пути.

– Мне очень жаль, – повторила она, а он рассмеялся.

– Что-то в таком духе ты уже сказала.

Дженси глянула на Брайт, которая, ничего не замечая, собирала свои вещи. Она еще не ушла. Это хорошо.

– Я бежала поговорить с подругой. – Она указала на Брайт. – Не смотрела, куда иду.

– Не беспокойся, – сказал он. К ним широким шагом подошла девочка, которая последние несколько недель играла с ее дочерьми.

– Пап, – обратилась она к мужчине, – я думала, ты с нами поиграешь. – Она посмотрела на двух взрослых. На лице у нее появилось мечтательное выражение. – Вы двое о гостевой ночевке говорите?

– Какой еще ночевке? – спросили они в унисон с одинаковой степенью тревоги в голосе. Потом оба рассмеялись.

– Мы хотим устроить пижамную вечеринку с ночевкой. Все трое. – Девочка произнесла это с толикой раздражения, словно взрослые малость туповаты.

– Ну, сейчас, возможно, не самое лучшее время, – сказал мужчина, неловко переминаясь с ноги на ногу. Он посмотрел на Дженси в мучительной растерянности. – Я... гм... с недавнего времени отец-одиночка и не вполне готов проводить... детские вечеринки.

Дженси махнула рукой, отвергая его извинения.

– О, черт, конечно. Я тебя не виню. Я все поняла. – Она воздержалась от объяснений, насколько много она уже поняла.

Она оглянулась. Брайт собиралась уходить. Она вот-вот ее упустит. Ей нужно как-то от него улизнуть, но южное воспитание взяло верх. Ее друзья в Коннектикуте дразнили ее за акцент, представления о приличиях и хороших манерах, за общую «южность». Как она ни старалась, у нее не получалось от этого избавиться.

– Мы просто приехали в город навестить моих родителей, – быстро заговорила она, – так что я тоже... э... не могу

принимать гостей. – Она погладила мокрую голову его дочери. – Вы, девчонки, можете встречаться здесь, в бассейне, хорошо?

Девочка глубоко вздохнула.

– Хорошо, – сказала она. Показывая, как удручена, она сгорбила плечи и подчеркнуто драматично поплелась прочь.

– Что ж, приятно познакомиться, – сказала Дженси, прощаясь.

Он повернулся к ней с тем же удивленно-растерянным выражением на лице.

– Но мы же так на самом деле и не познакомились, да?

Она посмотрела на него и моргнула, затем снова перевела взгляд на Брайт. К счастью, та остановилась с кем-то поговорить.

– О... пожалуй, нет. – Она протянула руку. – Меня зовут Дженси.

Коротко пожав ей руку, он прищурился. Она заметила, что глаза у него были точно такого же цвета, что и волосы. Ей нравилось его однообразие, то, насколько он гармоничен.

– Дженси? – переспросил он. – Необычное имя.

Она закатила глаза. Это имя было пережитком из детства. В ее классе было несколько Дженнифер. Она была Дженнифер С., или, как придумала ее учительница во втором классе, Джен Си. Была еще девочка Дженнифер Л. И пока шел учебный год, учительница соединила сокращения и получились новые имена. Так Джен Си стала Дженси, а Джен Эль –

Дженнеллой. Насколько было известно Дженси, Дженнелла и по сей день носит это имя.

– Это старое прозвище, – поспешно объяснила она. – Мое настоящее имя Дженнифер, но так меня никто не называет.

– Мне нравится, – сказал он, кивнув, как будто обдумывал имя и счел его приемлемым. – Меня зовут Ланс, сокращенно от Ланселот. – Он усмехнулся. – Моя мама была без ума от Камелота.

Дженси рассмеялась.

– Серьезно?

Он поднял брови, на секунду встретился с ее взглядом и сделал абсолютно серьезное лицо. Но не смог дольше с собой совладать и расплылся в улыбке.

– Нет, просто Ланс. Но пришлось придумать историю, чтобы не отставать от твоей.

Она рассмеялась вместе с ним, потом заметила, что Брайт перекинула через плечо ремень сумки и надела шлепанцы, заканчивая свой разговор. Дженси хлопнула нового знакомого по плечу.

– Что ж, Ланселот, было приятно познакомиться, но мне нужно перехватить подругу. – Она ткнула большим пальцем в сторону Брайт. – Удачи в поисках Камелота.

Уходила она, качая головой. «Удачи в поисках Камелота?» Она явно разучилась обращаться с противоположным полом. А ведь когда-то у нее это отлично получалось. Но это было очень давно, еще до того, как начали появляться бу-

мажные сердечки, до того, как ею завладел Арч.

До Брайт она добралась в самый последний момент, протянула к ней руку, чтобы не дать уйти. Брайт удивленно оглянулась, но тут же расслабилась, когда увидела, что это была всего лишь Дженси.

– О, Дженси! Эй! – воскликнула она, ее лицо расплылось в светлой улыбке, под стать имени. – Все в порядке? – спросила она.

Но затем улыбка померкла, взгляд устремился к бассейну; раздался свист, кто-то закричал, и все побежали в ту сторону.

Ланс

Он стоял, уставившись в воду, и думал про замечание красивой женщины о поисках Камелота; Ланс не чувствовал себя храбрым и галантным рыцарем, когда увидел маленького мальчика – замершую под водой темную фигурку. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы сообразить, что ребенок не дурачится, не пытается проверить, как долго сможет задерживать дыхание или разыграть друзей. Ланс нырнул в воду, не раздумывая, подчиняясь рефлексу, который, как оказалось, простирался дальше его собственных детей. Спеша добраться до мальчика, он думал о двух вещах: *Что мне теперь делать?* и *где же, мать его, спасатель?*

До ребенка он добрался за считанные секунды, но ему показалось, что прошло добрых полчаса. Широко раскрыв глаза, несмотря на то, что их жгло хлоркой, он подхватил мальчика на руки – в точности, как делал, когда его собственные дети засыпали перед телевизором и приходилось нести их в постель. Но этот ребенок не спал.

Вес мальчика (в голове у него мелькнули слова «мертвый груз», но он от них отмахнулся) обернулся сюрпризом, легкие уже начали гореть, когда он с ребенком рванулся к поверхности. На поверхности был воздух, была твердая земля, был, – конечно же! – кто-нибудь, кто умел делать искусственное дыхание. Он проклинал себя за то, что не по-

трудился этому научиться. Из-под воды он слышал гомон и шум, так люди реагировали на происходившее: свистел свисток, визжал ребенок, кричала женщина. Он разобрал, что кто-то кричит:

– Вызовите «Скорую»!

Он вынырнул на поверхность как раз в тот момент, когда рядом с ним материализовался спасатель со словами:

– Держу его, держу. – Спасатель говорил таким уверенным тоном, что Лансу захотелось спросить: «Да где же ты был, когда в тебе нуждались?»

Но спасатель умел делать искусственное дыхание, спасателей ведь такому учат. Наверное, он ждал этого момента всю свою карьеру спасателя, ждал, когда ему выпадет шанс разыграть из себя героя.

Ланс ослабил хватку, и ребенка забрали из его рук. Трое спасателей сбились в кучку на горячем бетоне, положили на него неподвижного ребенка и стали совершать какие-то манипуляции. Ланс отплыл в сторону и, обессиленный, оперся локтями о бортик, чтобы посмотреть, что происходит, и перевести дыхание. Глаза у него жгло, и он часто моргал. Он несколько раз с благодарностью втянул большой объем воздуха в легкие.

Пространство вокруг бассейна погрузилось в полную тишину. Люди вокруг застыли и смотрели на маленького мальчика, тишина была одновременно жутковатой и благоговейной. Кто-то выключил надоевшее радио, которое постоянно

орало из динамиков на неприятной громкости. Ланс огляделся в поисках матери ребенка и никого не увидел. Маленькая девочка истерически рыдала. Он решил, что это сестра мальчика. Он увидел, как Зелл обняла ее за плечи, но девочка попыталась вырваться, тщетно пытаясь добраться до мальчика. Спасатели продолжали колдовать над мальчиком, тот все еще казался синюшным и не приходил в сознание. Впервые за очень долгое время Ланс взмолился:

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – услышал он собственный едва слышный шепот.

Внезапно он вспомнил о собственном сыне и огляделся вокруг, стараясь найти своих детей. Алек застыл на своем месте в очереди к трамплину для прыжков. Их глаза встретились, и Алек одарил его такой мимолетной улыбкой, что он не был уверен, что заметил ее, а затем поднял большой палец вверх, подтверждая, что его отец сделал что-то правильно, когда это было важнее всего. Но будет ли это считаться, если мальчик не выживет? Ланс подтянулся и выбрался на бортик, когда послышался приближающийся вой сирены. Он встретился глазами с красивой женщиной, и они обменялись мрачными взглядами.

После прибытия «Скорой» все ускорило. С расстояния трудно было разобрать, что именно делают санитары. Ланс видел только, как взлетают руки и хмурятся лица. Очень быстро они зафиксировали шею мальчика, водрузили его на носилки и направились к машине «Скорой помощи». Стар-

шая сестра мальчика, девочка, которая играла с Лайлой всего за несколько минут до происшествия, побежала за ними, выкрикивая его имя:

– Каттер! – А потом: – Мне нужно с ним!

Лайла и дочери Дженси изо всех сил старались ее успокоить, но она была безутешна, вырвалась и попыталась догнать машину «Скорой помощи», чтобы забраться внутрь.

Санитары, занимаясь мальчиком и как будто не замечая его бьющейся в истерике сестры, суетились, точно ее вообще тут не было. Один, очевидно, ощутил укол сочувствия, которого второй был вовсе лишен, и оглянулся.

– Мы сейчас увезем твоего брата в больницу, – сказал он. – Мы ему поможем.

Он сжал худенькое плечо девочки и поспешил за своими коллегами. Минуту спустя машина «Скорой помощи», ревя сиреной и вспыхивая мигалками, умчалась прочь. Стоявшие взрослые, внезапно объединенные случившимся, образовали неровный круг вокруг девочки, бормоча слова утешения и пытаясь решить, что делать дальше. Дети тоже сюда сбегались, широко раскрыв от испуга глаза, они притихли.

Зелл, всегда готовая помочь, растирала девочке спину, заверяя, что она сможет поехать в больницу, как только мальчику найдут палату. Она говорила «найдут палату» так, словно его везли в пансион с завтраком. Но ее ровный тон, казалось, успокоил всех собравшихся.

– Кому-то надо позвонить его матери, – сказала стоявшая

рядом с Дженси женщина, ее голос дрогнул. Она подхватила своего маленького мальчика – и скорее прижимала его к себе, нежели держала на руках.

– Ты знаешь номер своей мамы, дорогая? – обратилась к девочке Зелл, потом громким шепотом спросила у Лайлы: – Так как ее зовут?

– Кейли. – Попытка Лайлы шептать громко, как на сцене, провалилась, и шепот прозвучал, скорее, как шипенье.

Девочка перестала плакать ровно настолько, чтобы бросить на нее взгляд «ага, запомнила», и кивнула. Зелл протянула ей телефон, и она набрала номер. Не успели на том конце ответить, как Зелл забрала у нее телефон.

– Но я хочу с ней поговорить! – закричала девочка, безуспешно пытаясь вырвать у Зелл трубку.

Зелл снова повернулась к девочке.

– Кейли, – сказала она мягко и одновременно твердо, учитывая, что у девочки истерика. – Ты поговоришь с мамой, как только я объясню ей ситуацию.

Она отошла на несколько шагов и повернулась спиной, чтобы поговорить с матерью мальчика, женщиной, которая в тот момент даже не подозревала, что с ее сыном только что произошло нечто ужасное. Ланс слышал голос Зелл, то, как она медленно и размеренно излагала новости почти деловым тоном.

Кейли опять зарыдала, повторяя одни и те же слова снова и снова:

– Она так разозлится на меня. Она велела мне следить за ним.

Ланс и Лайла посмотрели друг на друга, и Лайла беспомощно попыталась погладить голую спину девочки между лямками купальника, где горбиками проступали под кожей позвонки. Ланс накинул полотенце на плечи Кейли, которая обернулась посмотреть, кто это сделал. Она встретилась с ним взглядом.

– Это ты его спас? – спросила она. Ее глаза впились в него, взгляд выбил его из колеи.

Он кивнул и попытался слегка улыбнуться, но улыбка не получилась. Он хотел что-нибудь ей предложить, пообещать, что с ее братом все будет в порядке, но не мог этого гарантировать. У него не было привычки лгать детям, по крайней мере, не больше необходимого. В последнее время ему часто приходилось лгать собственным детям – он ни за что бы не поверил, что за всю родительскую карьеру придется столько лгать. Он делал это, чтобы они верили: в мире еще есть что-то хорошее. Конечно, это ложь. И только посмотрите, что произошло здесь, сегодня, в месте, которое должно быть отведено для счастья.

– Ты отвезешь меня к нему сейчас? – спросила Кейли.

Он поискал подходящие слова. Отправиться в больницу с детьми и этой девочкой в мокрых купальниках на поиски маленького мальчика, который может умереть, а может и не умереть, показалось на тот момент не самым благоразумным

поступком. Но как же он может сказать «нет»?

Внезапно рядом с ним возникла Дженси. Бросив понимающий взгляд на Ланса, она присела на корточки и внимательно посмотрела на Кейли. Она говорила тем же уверенным, ровным тоном, что и Зелл. Наверное, это рефлекс всех матерей. Стоя так близко к Дженси, он уловил запах ее кожи. От нее пахло кремом для загара «Коппертоун» и солнцем. Он глубоко вдохнул, воображая, как ее запах проникает в него, наполняет его надсаженные легкие. Он обругал себя за то, что подумал об этом в такой момент.

– Кейли, милая, может, ты разрешишь, чтобы кто-то из нас отвез тебя домой и подождал, когда твоя мама позвонит и даст нам знать, что она считает нужным сделать? Каттер в надежных руках, и никто из нас там сейчас не нужен. – Она жестом указала на купальник девочки. – Может, тебе переодеться в сухое?

Кейли решительно покачала головой.

– Я хочу быть с Каттером!

Все трое – Дженси, женщина с маленьким мальчиком на руках и Ланс – беспомощно переглянулись. В этот момент вернулась Зелл и протянула телефон Кейли.

– Твоя мама хочет с тобой поговорить, – сказала она.

– Она очень злится? – севшим голосом спросила Кейли.

– Она расстроена, милая. Но она на тебя не сердится. –

Зелл похлопала ее по плечу.

Отойдя на несколько шагов, она жестом позвала за собой

остальных. Ланс повиновался, как и обе женщины.

– Мать вне себя, – тихонько сказала Зелл. – Подумать только, услышать такое в разгар рабочего дня. Сомневаюсь, что она вообще поняла то, о чем я ей говорила. Она просто разрыдалась, а после от нее вообще не было никакого толку. Я сказала ей, что буду рада забрать Кейли к себе, пока мы не решим, что делать. – Она посмотрела в три пары глаз, которые наблюдали за ней в поисках подтверждения.

За неимением лучших идей все трое тупо кивнули. Ничего подобного протокол или этикет не предусматривал.

Зелл дважды кивнула.

– Ладно. Так мы и поступим.

Ланс понятия не имел, как чужие друг другу люди вдруг превратились в «мы». Зелл была его ближайшей соседкой, которая с начала лета каким-то образом сделалась для него незаменимой. С одной женщиной он познакомился только сегодня, а с другой – за пять секунд до того, как увидел мальчика в бассейне, и до сих пор не знал ее имени. Он взглянул на Кейли, сгорбившуюся в белом пластиковом кресле, ее тело почти свернулось в клубок вокруг телефона, и подумал о том, как ее брат висел у него на руках. Что-то ужасное произошло в их мирке, и они оказались свидетелями, объединенными одной травмой.

– Так, ладно, – заговорил он. – Зелл заберет Кейли к себе. Я живу по соседству, поэтому Алек и Лайла смогут забежать ее проведать или я смогу ответить на любые вопросы, кото-

рые у нее могут возникнуть... что угодно. И мы будем просто ждать новостей от матери и действовать по ситуации.

– Неплохой план. – Голос Зелл был далеко не таким энергичным и бодрым, как обычно.

Она пошла за Кейли. Ланс услышал, как она говорит успокаивающим тоном:

– Твоей маме нужно сейчас ехать в больницу, милая. Ей нужно перестать разговаривать, положить трубку, чтобы не попасть в аварию на дороге, правда?

Он оглядел бассейн, в котором теперь было пусто и ничто не нарушало мирную гладь воды. Спасатели впали в панику, звонили начальству и заполняли бланки, совершенно позабыв, что кругом еще кто-то есть. Музыка по-прежнему была выключена, люди расходились. Их собственные дети, сбившись в сторонке кучкой, говорили приглушенными голосами, стараясь осмыслить случившееся без помощи взрослых. Вероятно, они думали, что мальчик мертв. Сам Ланс не мог бы утверждать наверняка, что это не так.

Он оглянулся на Дженси и ее подругу.

– Это Ланс, – сказала подруге Дженси. – Сегодня он стал героем. – Она одарила его улыбкой, искренней, но мимолетной. Он затосковал по ней, как только она исчезла.

Кейли

Когда заносчивая девчонка заговорила со мной, я решила, что она приняла меня за кого-то другого. Она улыбнулась мне, я оглянулась через плечо, чтобы поглядеть, на кого она смотрит. Знаю, я выглядела шокированной, когда поняла, что она обращается ко мне. Мы с Каттером приходили к бассейну почти целый месяц, много раз играли в воде на расстоянии каких-то футов друг от друга и не раз стояли рядом в очереди к трамплину. Но она ни разу не подавала виду, что знает о моем существовании. Поэтому я держалась рядом с Каттером, присматривала за ним, как мне и полагалось, и притворялась, что не замечаю, что девочкам моего возраста совсем не хочется со мной заговаривать.

Что в тот день изменилось? Я не знаю. Я оказалась в нужном месте в нужное время или в неправильном месте в неправильное время? Сначала было по-одному, потом – по-другому. Все поменялось, как если бы вот сейчас в небе солнце, а потом вдруг – луна, и не понимаешь, как это произошло. Почему она решила обратить на меня внимание и почему я должна была ей ответить? Если бы я проигнорировала ее, все могло бы пойти иначе. Но я ответила. Она спросила, как меня зовут. Я назвалась. Она сказала, как ее зовут (я знала: уже сто раз слышала, как ее сестра выкрикивала имя), и мы начали играть в «переплыви бассейн». Все, что

произошло после, оказалось необратимым. Оно просто случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.